

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

ИННОВАЦИОННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Д.С. Каримов

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Магистерская диссертация на соискание
академической степени магистра филологии
по специальности 6М020500 - Филология

ПАВЛОДАР – 2012

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Допущен (а) к защите:
зав. кафедрой «АФиП»,
кандидат филологических наук,
доцент

_____ Г.А.Хамитова
(подпись)

« ____ » _____ 20__ г

Магистерская диссертация

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

специальность: 6М020500 - Филология

Магистрант

(подпись)

Д.С. Каримов

(инициалы, фамилия)

Научный руководитель,
доктор филологических наук

(подпись)

А.Р. Бейсембаев

(инициалы, фамилия)

ПАВЛОДАР – 2012

ИННОВАЦИОННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра

ФИО

ТЕМА

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Бейсембаев А.Р.

Республика Казахстан
Павлодар, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 Явление прецедентности в лингвистической парадигме знаний	7
1.1 Прецедентные феномены в контексте современных исследований ...	7
1.2 Интертекстуальность как свойство публицистического дискурса	12
1.3 Текстовая маркированность категории интертекстуальности	17
1.4 Роль прецедентных феноменов в формировании национального культурного и когнитивного пространства	20
1.5 Место прецедентных текстов в структуре языковой личности	24
1.6 Когнитивный ракурс изучения прецедентных текстов	33
2 Типология прецедентных текстов	35
2.1 Типы прецедентных текстов	35
2.2 «Концепция адресата» в современных лингвистических исследованиях	40
2.3 Прецедентные тексты в обыденном языковом сознании русскоязычных казахстанцев	42
2.4 Прецедентный характер газетного заголовка	43
2.5 Организация и методика проведения эксперимента	48
2.6 Система тестов и основные этапы экспериментальной работы	50
2.7 Тест как способ характеристики когнитивной базы языковой личности	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	63

ВВЕДЕНИЕ

В современных лингвистических исследованиях и гуманитарных науках ведущим подходом является антропоцентрический, в рамках которого межкультурная коммуникация рассматривается как процесс взаимодействия различных культурно-детерминированных сознаний. При изучении вербальной коммуникации внимание исследователей перемещается с «кода» и «контекста» на адресата и адресанта, что неизбежно приводит к постановке вопроса о языковом сознании коммуникантов и методах его исследования. Коммуникация, включающая и межкультурную коммуникацию, представляет собой

взаимодействие говорящих сознаний, ведущее к их взаимомодификации и взаимокоррекции, что возможно при наличии у коммуникантов одного из видов компетенций, необходимых для эффективного межкультурного общения, – овладение лингвокультурным кодом.

Успешная коммуникация на любом языке возможна только в том случае, если коммуниканты владеют сведениями о базовых элементах языкового сознания, что привело нас к исследованию ядерной части последнего и прежде всего таких ее ключевых составляющих, как прецедентные феномены, а среди них – прецедентные тексты, которые образуют общечеловеческую культуру (семиосферу), представляющую собой один большой текст.

Следует говорить о существовании в мировой культуре большого количества прецедентных текстов, составляющих «бессмертный» запас семиосферы, к которым человечество обращается на протяжении многих тысячелетий. Например, тексты священного писания (Библия, Коран), произведения Данте, Петрарка, Сервантеса, Шекспира, Гете, Пушкина, Достоевского, Абая, а также молитвы и фольклорные шедевры: мифы, героические эпосы, народные песни, сказки, былины и др.

Прецедентные тексты открыты к постоянному диалогу, их присутствие в процессе коммуникации постоянно, потому что явление прецедентности активизирует процесс общения и преемственности культурного опыта. Коммуникативность, с точки зрения Е.В. Сидорова, «являет собой тот отличительный признак, который присущ только тексту и благодаря которому текст существенным образом выделяется из массы других объектов, в том числе и языковых» [1, с. 54-55], следовательно, является интегральным, глобальным качеством текста, характеризующим его как целостную речевую систему.

Любая текстовая коммуникация осуществляется посредством цитирования, ссылки на текст-источник, употребления «чужих» слов в «своем» тексте, как правило, говорящий использует прецедентные тексты, являющиеся смысловесущими элементами дискурса как всей нации, так и отдельной социальной группы, вплоть до отдельной языковой личности.

Прецедентные тексты входят в когнитивную базу языковой личности, структуру которой можно рассматривать... как складывающуюся из трех уровней...:

- 1) вербально-семантический, или лексикон личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности;
- 2) лингво-когнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире;
- 3) мотивационный, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикой личности, т.е. систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» [2, с. 238].

Прецедентные тексты – это единицы своеобразного культурного тезауруса личности, являются слагаемыми ее «вертикального контекста».

Непрерывность процесса текстообразования в современном лингвокультурном пространстве, недостаточная разработанность теории прецедентного текста, сложность коммуникативного взаимодействия внутри и

за пределами социума, необходимость правильного декодирования лингвокультурной информации и составляют **актуальность** темы данного научного проекта.

Целью исследования русского языкового сознания является выявление единиц, относящихся к его ядру, определение структуры последнего.

К числу исследовательских **задач**, которые мы решали для достижения сформулированной выше цели, относятся следующие:

- исследовать феномен прецедентности, определить его основные признаки и особенности их проявления на примере прецедентного текста, относящегося к числу ядерных элементов когнитивной базы лингво-культурного сообщества;
- определить структуру когнитивной базы казахстанского лингвокультурного сообщества, ее основных составляющих, специфики их бытования в сознании и актуализации в речи;
- описать дифференциальные признаки прецедентных текстов, определить их место среди других языковых и речевых единиц;
- выявить при помощи эксперимента специфику бытования прецедентных текстов в языковом сознании членов казахстанского языкового сообщества;
- разработать типологию прецедентных текстов и описать наиболее продуктивные типы текстов – источников прецедентности.

Объектом исследования в настоящей работе является языковое сознание казахстанцев, особенности актуализации и функционирования принадлежащих ему единиц, в нашем случае – прецедентных текстов.

Предметом исследования являются прецедентные тексты как структурные компоненты ассоциативно-вербальной сети казахстанцев в речевой коммуникации.

В качестве **методологической основы** настоящего исследования следует рассматривать базовые положения в области прагматики (Э. Бенвенист, И.Г. Гальперин, В.А. Звегинцев, Е.В. Падучева), стилистики и речевых жанров (И.В. Арнольд, М.М.Бахтин, Н.Б. Лебедева), теории интертекстуальности и прецедентности (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, Е.А. Попова, И.В. Арнольд, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, А.Е. Супрун, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко), исследования лингвокультурных концептов прецедентных текстов (З.К.Ахметжанова, В.В.Красных, Г.Г. Слышкин, М.В.Пименова), когнитивно-дискурсивной теории (А.А.Араева, А.Р.Бейсембаев, Н.Д.Голев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова и др.), межкультурной коммуникации (Д.Б.Гудков, З.К. Сабитова, С.Е.Исабеков).

Методы исследования:

- общетеоретические методы анализа и синтеза;
- наблюдение над речевой деятельностью участников коммуникации;
- психолингвистический эксперимент;
- проведение анкетирования;
- обработка материалов ассоциативного тезауруса казахстанцев;
- систематизация полученных данных.

Материалом исследования стали прецедентные тексты, извлеченные из текстов печатных средств массовой информации, а также из современных словарей (общее количество – свыше 1000 прецедентных текстов).

Научная новизна работы заключается в определении специфики функционирования прецедентных текстов в речевом общении казахстанцев, рассмотрении их не только как лингвостилистический феномен, но и как явление культуры и социального контекста.

В диссертации рассмотрена специфика восприятия прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе и выявлена степень их известности читателям. С использованием количественных подсчетов охарактеризованы закономерности восприятия студентами прецедентных феноменов в условиях предъявления указанных феноменов автономно (вне контекста) и в составе связного высказывания. Сделан вывод о том, что в среднем примерно половина читателей не понимает или не совсем правильно и полно понимает смысл конкретных прецедентных феноменов, используемых в современной прессе. Выявлены конкретные качественные и количественные особенности восприятия указанных феноменов студентами, специализирующимися в сфере филологии и в сфере государственного и муниципального менеджмента.

Теоретическая значимость исследования. Полученные результаты расширяют представление о роли и месте прецедентных текстов в ассоциативно-вербальной сети казахстанцев и особенностях их реализации в ситуации межкультурного общения.

Практическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены при подготовке элективных курсов по теории и практике межкультурной коммуникации, страноведению, социо- и этнолингвистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Язык служит средством хранения и передачи культурной информации, одним из механизмов анализа этнокультурного сознания. Этнокультурная специфика мировосприятия отражена в языковом сознании индивида и лингвокультурного сообщества в целом.
2. Прецедентные феномены представляют собой языковые явления, характеризующиеся эталонностью, общностью знаний и представлений о них, а также о текстах или реалиях-источниках, на которых основаны ПФ.
3. В публицистических текстах активно используются прецедентные феномены, прагматический потенциал которых зависит от того, осознают ли читатели прецедентный характер соответствующих единиц, насколько полно способны понять источники прецедентности и определяемый ими смысл текста.
4. Значительная часть читателей не замечает прецедентных феноменов, используемых в публицистических текстах, или воспринимает эти феномены недостаточно глубоко, поскольку испытывает трудности при актуализации их смысла и соотношении с источниками прецедентности.
5. Авторы статей в современных средствах массовой информации не в полной мере учитывают состав прецедентных феноменов, имеющих в реальной когнитивной базе читателей, что самым существенным образом сказывается на прагматической эффективности соответствующих текстов.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались в виде статьи в журнале «Вестник ИнЕУ» и в сборнике статей под редакцией Бейсембаева А.Р. «Голоса молодых» (опыт лингвистических исследований).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников исследования и используемой литературы.

1 Явление прецедентности в лингвистической парадигме знаний

Лингвистика последнего времени характеризуется стремительным развитием в разных областях, сменой парадигм, которые накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, не игнорируя друг друга. Традиционно выделяют три парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную, антропоцентрическую.

В последние годы лингвисты перешли от изучения языка как системно-структурного образования на другой ракурс его рассмотрения – человеческий. Антропоцентрическая парадигма сделала центральным объектом исследования человека в языке, личность, участвующую в процессе коммуникации, через которую проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики.

1.1 Прецедентные феномены в контексте современных исследований

Идеи В. Гумбольдта, что человек является тем феноменом, который определяет и консолидирует науку о языке, стали ключевыми для современной лингвистики. Он понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [3, с. 304], как «не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей», но средство, «заложенное в самой природе человека и необходимое для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [3, с. 51].

Концепция Э. Бенвениста о субъективности в языке до сих пор остается одной из главных идей современной лингвистики, так она является проявлением антропоцентрического подхода. «... Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной...» [4, с. 15].

С позиций антропоцентрической парадигмы человек познает мир через осознание самого себя, своей теоретической и предметной деятельности, иными словами, мир предстает сквозь призму человека. Осознание себя мерой всех вещей дает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, который определяется духовной сущностью человека, его системой ценностей.

Изучение текста является центральной проблемой в антропоцентрической парадигме лингвистики, так как человек живет в «мире текстов». Само понятие человека разумного и языка связаны необходимой составляющей реализации языка как средства общения и человека как субъекта, инициатора коммуникации.

Продуктом и средством коммуникации является текст, ибо язык дан личности или создан ею для речевого общения. «Процесс, в котором возникает текст, есть речевой процесс, речь. Для осуществления этого процесса человек использует специальное устройство – язык. Язык является устройством для производства и приема текстов человеком» [5, с. 74]. Большую часть своих познаний о мире во всем многообразии его проявлений человек черпает не из непосредственно личного опыта, а из текстов. Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование взглядов человека, в том числе на его язык, как устройство для производства, преобразования и понимания текстов. Посредством текстов знания передаются из поколения в поколение, от одного лица другому вне времени и пространства, обогащаясь при каждом обращении. Иными словами, «текст – средство материализации знаний» [6, с. 105]. Лингвистика стала текстовой наукой, что можно считать самым ярким проявлением лингвистической экспансии. По убеждению А.Е. Супруна, «текст можно и нужно рассматривать как некоторую лингвистическую данность. Именно текст лингвисты могут наблюдать, многократно воспроизводить и исследовать. Именно из текста получает лингвистика информацию о языке» [5, с. 74]. А «изучение любой языковой единицы и

категории должно обязательно соотноситься с текстом, должно быть нацелено на выяснение того, как та или иная языковая единица или категория участвует в формировании определенного типа текста, какие приращения смысла обнаруживают единицы всех уровней языка при включении в текст. Без всего этого представление о языке будет неполным» [7, с. 27].

В процессе взаимодействия людей связующим звеном является текст, из которого извлекается заключенный в нем смысл. Текст как информационное и структурное целое – это уже нечто другое, чем сумма частей, составляющих целое, но каждая часть несет определенную функционально-смысловую нагрузку, необходимую для сложения всех частей в целое. Также необходимо учитывать ситуацию, породившую текст. Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова отмечают, что имеется различие «между текстами художественных произведений, поэзии и прозы, с одной стороны, и всеми прочими – деловыми, официальными, эпистолярными, газетно-публицистическими – с другой» [8, с. 12]. Язык может функционировать на бытовом уровне – удовлетворять потребностям обыкновенного человека, любого носителя языка, а может быть средством создания литературного шедевра, являясь орудием выражения мысли избранного – писателя, создающего художественный текст и умеющего искусно обращаться с языком.

Культурная, историко-литературная память определяет степень насыщенности любого текста (особенно литературного) «чужим словом», ставшей типичной чертой современного повседневного речевого общения. Феномены актуальные в когнитивном отношении, обладающие ассоциативным потенциалом, обращение к которым постоянно возобновляется в речи, называются прецедентным феноменом [9].

За любым прецедентным феноменом всегда стоит текст или реальность-источник, знания и представления о которых актуализируются в речи. Само понятие «прецедентный» по отношению к тексту впервые употребил Ю.Н. Караулов.

Прецедентные тексты, по Ю.Н. Караулову, это:

- значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях;
- имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников;
- обращение, к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [2, с. 216].

В число прецедентных текстов Ю.Н. Караулов включает всякие явления культуры: литературные и философские тексты, театральные спектакли, кино, телевизионные программы, реклама, песни, анекдоты, музыкальные произведения и т.п., при этом произведения эти могут быть как вербальной, так и невербальной природы, являясь достоянием нации, элементами «национальной памяти» [2, с. 44].

Оперирование прецедентными текстами в процессе коммуникации, по мнению Ю.Н. Караулова, служит самым разнообразным целям: это критерий оценки и сравнения, аргумент в дискуссии, подтверждение принадлежности партнера коммуникации к одному и тому же речевому коллективу или

социально-культурному слою, а также способ самооценки. Анализируя понятие «прецедентный текст», ученый называет три способа существования текстов:

- *натуральный* способ (текст в первозданном виде доходит до читателя или слушателя как объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии);
- *вторичный* (происходит трансформация исходного текста в иной вид искусства или вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в критических статьях, рецензиях, исследованиях);
- *семиотический* (обращение к оригинальному тексту дается отсылкой, признаком, тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения отдельные его фрагменты).

Два первых способа существования доступны любому тексту, а третий – только прецедентному. Поэтому Ю.Н.Караулов вводит термин «текстовые преобразования», являющийся своеобразным способом введения в дискурс готовых текстов (прецедентных), известных как говорящему, так и слушающему, следовательно, не требующих полного воспроизведения в процессе общения. Текстовые преобразования оказываются обязательной принадлежностью любого дискурса, и образы прецедентных тестов входят в прагматикон каждой языковой личности.

Ученый называет четыре способа обращения к прецедентным текстам (т.е. четыре вида текстовых преобразований): название произведения, имя автора, имя героя, цитата.

Аналогичная позиция к пониманию проблемы прецедентного текста у В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, которые опираются на точку зрения Б.М. Гаспарова, для которого текст – это частица непрерывно движущегося потока культурного опыта, накопленного человечеством. Чтобы охватить этот опыт, необходимо опираться на закон экономии – объять можно только «объятное», а для этого частица должна быть именно частицей, вершиной пирамиды [10, с.31].

В этом случае происходит так называемая «свертка», т.е. возникает символ, обладающий традиционно признанными в данном обществе значениями, которые всегда предполагает включение механизмов историко-культурной памяти. Подобная свертка – это способ существования текста, когда повествование опирается на языковые средства, являющиеся своеобразным результатом экономии в представлении информации, ее авторы называют логоепистемой. «Логоепистемы можно назвать символами чего-то стоящего за нами, сигналами, заставляющими вспомнить некоторые фоновое знание, некоторый текст, сама же логоепистема представляет собой тогда эмблему, сверткой символики текста, единицей описания текста в лингвокультурном аспекте» [11, с.34].

Логоепистема, по мнению ученых, это знак, который требует осмысления на двух уровнях:

- на уровне языка;
- на уровне культуры.

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова к прецедентным текстам относят такие, которые десятилетиями служат основой обучения, аккультурации ребенка, при помощи которых он устно или письменно обучается языку, они составляют

костяк фоновых знаний человека, другими словами, ядро этого явления. Периферию же составляют тексты анекдотов, модных песен, фильмов, рекламы, а также лозунги, призывы и социально-исторические мифы.

По мнению авторов, логоэпистема может быть выражена разными языковыми средствами – словом или сверхфразовым единством. Обязательным условием существования логоэпистемы – сохранение связи с породившим ее текстом.

Г.Г. Слышкин считает, что данное явление надо рассматривать не как межуровневую единицу, находящуюся на стыке языка и культуры, а как ментальную единицу, как элемент сознания, что «именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком» [12, с.63]. По мнению ученого, прецедентный текст – это один из артефактов культуры. Любой текст, по мнению ученого, может приобрести статус прецедентного, если он будет характеризоваться «цельностью и связанной последовательностью знаковых единиц, обладающих ценностью для определенной культурной группы» [12, с. 105], а также, если он отвечает запросам жизненной идеологии данного социума. Прецедентные тексты являются основными единицами существующей в сознании носителей языка текстовой концептосферы.

Ряд уточнений предлагает ввести Ю.Е.Прохоров в понимание понятия «прецедентный текст»:

- прецедентные тексты есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с их реализацией в достаточно стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения: именно в этом случае, являясь принадлежностью прагматикона некоторой этнокультурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности;
- если сам текст входит в прагматику личности, совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей, то его использование в речи связано уже с лингво-когнитивным уровнем, т.е. системой знаний о мире и образа мира, которые реализуются в данной этнокультуре...
- отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке [13, с.151-152].

Использование прецедентных текстов в речи, по мнению автора, помогает ориентироваться в ситуации общения, проводя идентификацию по шкале «свой/чужой».

Таким образом, следует отметить, что особенность развития современной лингвистики заключается в переходе к антропоцентрической парадигме, пониманию лингвистики как науки о языке в человеке и о человеке в языке.

Концентрация внимания на роли человеческого фактора в языке способствовала открытию новых направлений лингвистических исследований, переключению научного интереса с вопросов изучения единиц языка на вопросы их функционирования в речи, на вопросы коммуникативной

деятельности человека, что вовсе не свидетельствует об отказе от достижений предшествующего периода, а лишь корректирует их.

Следует отметить, вполне закономерный рост интереса к изучению текста и его признаков в связи с выдвижением принципа антропоцентризма, так как именно текст является:

- основным средством человеческого общения и продуктом коммуникативной деятельности;
- занимает центральное положение между адресантом и адресатом как в рамках устной, так и в рамках письменной коммуникации, вследствие этого открывается возможность лингвистического изучения как языковой личности адресанта (говорящего или автора), так и языковой личности адресата (слушающего или читателя) посредством анализа особенностей построения ими текста, выбора языковых единиц, а также особенностей восприятия и интерпретации текста адресатом в соответствии с его языковой и культурной компетенцией.

При этом можно отметить семантикоцентричность большинства исследований текста, т.е. направленность на выявление смысловой составляющей текста, особенно художественного, когда мы сталкиваемся с тем, что смысл текста не равен сумме смыслов входящих в него слов, а представляет собой более сложное образование, содержащее подтекстовую информацию, требующую от читателя умения «видеть между строк». В данном случае выдвигается на первый план такой признак текста, как интертекстуальность, так как он способствует углубленному пониманию неоднозначного, допускающего множественность интерпретаций как художественного, так и любого другого текста за счет многомерных связей с другими текстами. Это подтверждает и мнение М.М. Бахтина о том, что «...всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами... Текст живет, только соприкасаясь с другими текстами (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [14, с. 384].

Прецедентный текст является образцовым для данного национально-лингво-культурного сообщества, без знания которых невозможно сколько-нибудь адекватное и полноценное понимание не только текстов той или иной культуры, но и понимание самой культуры.

Рассматривая прецедентные тексты, характеризующиеся следующими дифференциальными признаками: хорошо знакомы представителю национально-культурного сообщества, являются законченными и самодостаточными продуктами речемыслительной деятельности, представляют собой (поли)предикативную единицу, сложный знак, сумма значений компонентов которой не равна его смыслу, обращение к которым может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена, свидетельствует о речевой культуре языковой личности, вкусах, эрудиции, отношении к Родине, культуре, литературе и самому себе. Прецедентные тексты, т.е. образцовые тексты художественной, научной, публицистической литературы, являются ценностным ориентиром языковой личности, необходимым для понимания ею

окружающей действительности, культуры, эстетики и собственного самосознания.

1.2 Интертекстуальность как свойство публицистического дискурса

Проблема интертекстуальности, понимаемая как присутствие «чужого» слова в «своем» тексте, как проявление всеобщей взаимосвязи в едином континууме культуры, имеет недолгую историю своего развития. В последний период интертекстуальные вкрапления (цитата, аллюзия, другие формы переклички текстов) стали восприниматься не как частная и даже второстепенная особенность, а как указание на существенную черту авторского замысла, как яркий прием стилистической организации текста.

В настоящее время понятие «интертекстуальность» употребляется не только для обозначения одного из аспектов анализа литературного текста и описания специфики существования литературы, но и «для определения того миро- и самоощущения современного человека, которое получило название постмодернистская чувствительность» [15, с. 204, 205]. Каждый текст стал рассматриваться как своего рода мозаика цитат, как часть единого мирового процесса.

Проблема интертекстуальности решается в трудах Р. Барта, Ж. Дерриды, Ж. Женетта, М. Фуко, В. Хайнемана, А.А. Жолковского, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Н.А. Кузьминой, А.А. Леонтьева, Е.А. Нахимовой, Ю.Е. Прохорова, О.Г. Ревзиной, И.П. Смирнова, Ю.А. Сорокина, А.Е. Супруна, Н.А. Фатеевой и других.

Следует сказать, что само по себе явление интертекстуальности, понимаемое как присутствие в том или ином тексте элементов ранее существовавших текстов (например, в виде явных или неявных цитат), вовсе не является для мировой и отечественной культуры чем-то принципиально новым. Как справедливо отмечает А.Е. Супрун, элементы интертекстуальности (текстовые реминисценции по терминологии автора) обнаруживаются уже в Библии, в древнейших фольклорных текстах и в произведениях древнерусской литературы [16, с. 18]. По справедливому замечанию Б.М. Гаспарова, «языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни» [17, с. 194]. Рассматривая структуру этого «конгломерата», исследователь пишет: «Основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд», восходящий к нашему языковому опыту» [17, с.105-196].

Язык же служит универсальным средством общения и выражения мысли, поэтому он ближе и теснее всего с интерпретационной деятельностью человека, а феноменом интерпретации текста, как знаковой системы, занимается герменевтика – «наука не о формальной, а о духовной интерпретации текста» [18, с. 4].

В процессе любой интерпретации мы всегда имеем дело с фактами, которые стремимся понять и объяснить, для этого мы раскрываем их смысл и значение. «Интерпретация начинается с фиксации первого впечатления от

художественного творения и должна выявить, углубить это впечатление, сделать его «говорящим», «выраженным в словах» [19, с. 275].

Одной из ведущих категорий герменевтики как науки толкования текстов является категория интертекстуальности (термин Ю. Кристевой). Сама интертекстуальность понимается при этом, согласно Ю. Лотману, как проблема «текста в тексте» [20.]. Она существует с начала письменной цивилизации (но и не только, кстати, письменной). Поскольку духовная деятельность человека направлена на познание единой истины, постольку каждый культурный факт есть продолжение духовной традиции, ее усвоение на новой ступени развития.

Чтобы понять любой текст, необходимо воспринять его как целое. Понять, пережить, переосмыслить можно лишь то, на что откликаются твои чувства. Разбор включений интекста в текст дает основание рассматривать их как один из самых важных приемов в стилистической системе писателя.

Термин «интертекстуальность» стал появляться в исследованиях, в рамках осуществлявшихся в 60-х годах изменений в системе парадигм внутри литературоведения, и призван был служить «сигнальным словом, сопроводительным понятием этих существенных изменений.

Существенный вклад в исследование этого нового явления внесли работы М.М. Бахтина, который развивает свою теорию «диалогизированного сознания», или диалогичности текстов, применительно к жанру романа. Ученый особое внимание уделяет соотношению текста, языка и общества, отношения которых реализуются в универсальном тексте, и поэтому мы можем рассматривать общество тоже как текст.

Ю. Кристева расширяет понятие диалогичности, разработанное М.Бахтиным. Она также считает, что текст можно рассматривать как общество или как историко-культурную парадигму. Вследствие этого исследователь говорит о введении нового обособленного понятия текста, согласно которому текст является «транссемиотичной вселенной, конгломератом всех смысловых систем, культурным художественным кодом» [21, с. 14]. В этом смысле интертекстуальность является сводом общих и частных свойств текстов, поэтому ее [интертекстуальность] можно рассматривать как синоним понятия «текстуальность».

Основная идея теории Ю. Кристевой сводится к тому, что текст – в процессе интертекстуализации – сам постоянно поглощается и трансформируется, создает и переосмысливает. Поэтому данный процесс является гарантией открытости текста [22, с.83.].

В результате интертекстуальность возводится к парадигме открытого и поливалентного текста, и подобное понимание феномена текста становится важным для нового и радикально интертекстуального способа повествования.

Теория интертекстуальности нуждается во всеохватывающей и интегративной концепции, которая принимала бы во внимание как основные свойства текста, так и аспекты значения текста. Только такой двойной параметр включает в себя статические и динамические аспекты интертекстуальности. И, таким образом, момент включения других текстов или его элементов будет считаться основным способом проявления категории интертекстуальности.

Итак, интертекстуальность и диалогичность присущи изначально всякому осознанному бытию как его конституирующий признак, необходимое условие существования, ибо бытие это (социальное или духовное) предполагает наличие как минимум двух сознаний, двух текстов, пересекающихся друг с другом до полной погруженности одного в другой так, что каждый из них является совокупным контекстом другого, гарантом его существования. Подобную способность впустить, усвоить в себе иной текст и способность входить текстом в иное сознание, по мнению С.Р. Абрамова, можно обозначить термином «интертекстуализация» [23, с.15]. В результате при абсолютном взаимоприникновении двух текстов наблюдается предел интертекстуализации. Причем, для рассмотрения проблем интертекстуальности важным является фактор обращенности художественной структуры текста не только вовнутрь, но и вовне. Она (обращенность) «предполагает открытость «незамкнутость» художественного текста по отношению, во-первых, к иным художественным системам и структурам, а, во-вторых, к читателю, тезаурус которого также представляет собой определенную незамкнутую систему пресуппозиций...» [24, с. 21].

Пратексты, интертексты, «тексты в голове» – на основе концепции Ю. Кристевой эти понятия должны характеризовать все то, что должно получиться в результате обработки текстов. Здесь имеется в виду возможность дополнения смысла текста на основе знания интертекста, к которому сам автор может ссылаться как имплицитно, так и эксплицитно.

И текстуальность, и интертекстуальность являются основополагающими принципами, присущими каждому тексту, т.е. автор любого текста может сознательно ссылаться на другие конкретные тексты, это может происходить также и бессознательно. Но не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент информации в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать эти «сигналы» интертекстуальности, в чем заключается особая прагматическая специфика данной категории.

Вопрос о понятии текста имеет большую историю в теории литературы и лингвистики. В целом, языковой текст – это результат диалогического действия, ему присущи различные вербальные элементы: объемность (обширность), когезия и когерентность, контекст, структурность, систематичность. В лингвистике с понятием текста связывают два вида – эстетический и поэтический тексты [25, с.128].

И о поэтическом тексте говорит в своих культурно-семиотически ориентированных учениях Ю.М.Лотман, внесший существенный вклад в разработку этой проблемы. Такой текст он называет «семиотически насыщенным» [25, с. 128]. Он предлагает рассматривать и исследовать не текст вообще, в широком смысле этого слова («ein Text»), а определенный текст («der Text») [26]. Такой текст будет выполнять две функции: это адекватная передача значений и порождение новых смыслов. Во втором случае он (т.е. текст) перестает быть пассивным участником в передаче какой-либо информации, а для этого ему необходим «собеседник», тогда он будет приведен в работу. Чтобы активно работать, сознание нуждается в сознании, текст в тексте, культура в культуре. Именно введение внешнего текста в мир данного текста

играет при этом большую роль. Такой вводимый текст трансформируется, образуя новое сообщение. И трансформация может быть совершенно непредсказуемой. И уже дальше будет меняться вся структура внутри того текста, в который происходит введение другого текста. Это может быть, согласно Лотману, картина в картине, фильм в фильме или же роман в романе и т.д. И прекрасным примером «романа в романе» является роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где в основной текст, созданный Булгаковым вводится мир Мастера.

Характерно, что только в последнее время интертекстуальность как термин проникает в литературу и используется в филологических исследованиях. Она «обозначает взаимодействие двух текстов друг с другом внутри одного произведения, выступающего по отношению к ним как целое к части» [27, с. 3]. Интертекстуальность является формой существования литературы. В процессе коммуникации активным участником при толковании текста является читатель. Понимание смысла происходит благодаря жизненному, культурному и историческому опыту читателя. Понимание тоже является в некотором смысле участником диалога, оно есть «воссоздание заложенного в нем авторского понимания действительности... После того, как литературный текст закончен автором и доходит до читателя», который должен прореагировать на то, что прочитал [28, с.15].

Под влиянием воспринятого читатель видит окружающий его мир в новом свете. Чтобы текст не остался непонятым или понятым поверхностно, частично, читатель должен быть высоко эрудированным и должен уметь найти необходимую информацию. Отметим, что интертекстуальные включения обладают свойством двойственности, они одновременно принадлежат тексту, а также прошлому, другим текстам. Благодаря своему опыту и под влиянием исторических изменений читатель может иногда даже обогатить, расширить содержание текста. Наталкиваясь на такие, на первый взгляд, чужие данному тексту элементы, мы пытаемся их понять, объяснить. Когда же это происходит, тексту придаются совершенно новые оттенки и смысл. В этом нам часто помогают сами авторы произведений, вводя маркеры интертекстуальности в виде прямого указания на источник в сносках или в словах кого-нибудь из персонажей или в эпиграфах. Все это играет важную роль для установления связи с прототекстом. По этому поводу существует следующее мнение немецкой исследовательницы Р. Лахман (R. Lachmann): подобные контактные отношения между текстом и включенными текстами следует описывать как работу ассимиляции, транспозиции и трансформации чуждых знаков [29, с. 57].

Мы должны заметить, что сталкиваясь с текстами, где представлено явление интертекстуальности, реципиент информации при реконструкции и осмыслении текста все больше пользуется возможностью безграничной свободы истолкования текста. Таким образом, интертекстуальность не имеет границ и универсальна.

Интертекстуальность – многослойный феномен. Она может развиваться, с одной стороны, согласно литературным традициям, специфике жанров, с другой стороны, на основе связи ситуации и смысла.

А вот один из немецких лингвистов Свен Загер (Sven Sager) предлагает нам следующие тезисы, на которые он опирается при исследовании явления интертекстуальности. Он считает, что культура вообще объяснима лишь в рамках интертекстуальности. Существует три ступени развития культуры: бесписьменная, культура со времен возникновения письменности и гипертекстуальная культура; и каждая из этих ступеней обозначена специфическим проявлением принципа интертекстуальности [30, с. 109]. Добавим, что культура – это всегда нечто целое, это совокупность способов учреждения человеком окружающего мира и действительности таким образом, что сам человек находится внутри этой действительности, живет в ней.

Такая же примерно организация происходит и в отношении текстов. Тексты – это есть непосредственная манифестация и реализация культуры.

Но в культуре тексты не существуют изолированно друг от друга, наоборот, они связаны, совмещены, сплетены в целостную сеть. Они образуют так называемую «семиосферу» (понятие введено Ю.М. Лотманом). Ю.М.Лотман говорит, что «все семиотическое пространство можно рассматривать как единый механизм», и первичной окажется... «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера – это и есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса» [26, с. 13].

Неразрывность текстов семиосферы (или культуры) решающим образом основывается на принципе интертекстуальности, то есть неразрывность, целостность текстов возникает в том случае, когда тексты связаны друг с другом или вступают в отношения, которые и составляют, в свою очередь, связную, совокупную культуру.

Таким образом, интертекстуальность делает возможным существование культуры. Как полагает Н.О. Гучинская, интертекстуальность – это также средство текстопорождения. На основе уже известных текстов или определенных элементов создается новый текст [31, с. 47]. Существуют так называемые мозаики текстов, за которыми «скрывается» основной текст.

Язык служит универсальным средством общения и выражения мысли, поэтому он ближе и теснее всего с интерпретационной деятельностью человека. В процессе любой интерпретации мы всегда имеем дело с фактами, которые стремимся понять и объяснить, для этого мы раскрываем их смысл и значение. Одной из ведущих категорий герменевтики как науки толкования текстов является категория интертекстуальности, которая является центральной, с которой сталкивается современный читатель, вступающий в прямой диалог с художественным текстом и его создателем. В процессе интертекстуализации текст постоянно абсорбируется и трансформируется, являясь гарантией открытости текста.

В результате интертекстуальность возводится к парадигме открытого и поливалентного текста, и подобное понимание феномена текста становится важным для нового и радикально интертекстуального способа повествования.

1.3 Текстовая маркированность категории интертекстуальности

Каждый новый текст с позиций интертекстуальности рассматривается, как некая реакция на уже существующие тексты, а существующие могут использоваться как элементы художественной структуры новых текстов.

Основными маркерами, т.е. языковыми способами реализации, категории интертекстуальности в любом тексте могут служить цитаты, аллюзии, афоризмы, иностилевые вкрапления.

Огромный вклад в развитие явление цитации внес И.В. Гете. Как отмечает И.П. Шишкина, именно «им был введен в обиход литературного языка ряд словообразовательных моделей, получивших в дальнейшем широкое распространение, укрепились в словарном составе авторские неологизмы, вошли во фразеологический фонд в качестве «крылатых» выражений многочисленные цитаты из его произведений» [32, с. 29].

Цитаты могут быть дословными. Они в этом случае маркируются графическими средствами, что может также подчеркиваться вводящим цитату высказыванием, которое служит исходным пунктом для дальнейшего рассуждения персонажа.

Дословные цитаты обладают функцией характеристики персонажей произведений. Возможно, это самая главная функция, которую цитаты выполняют в тексте.

Цитаты могут включаться в текст также и без графической маркировки. Для описания событийной ситуации используется не только цитата, но и ассоциации, связанные с ней. Немаркированные графически цитаты в большинстве случаев модифицируются автором, подчиняются тому контексту, в который они включены. Однако эти модификации не затрагивают семантического и образного ядра цитаты. «Немаркированные цитаты включаются, как правило, в структуру сложного предложения либо в вопросно-ответное единство в качестве ответной реплики. Основная функция этих включений – повышение образной выразительности речи персонажей, а также косвенная характеристика интеллектуального и социального статуса говорящего» [32, с. 31].

Кроме того, существуют маркированные цитаты, преобразованные в такой степени, что они воспринимаются как пародия на цитату.

Очень часто в заглавии художественного произведения можно встретить так называемое «чужое слов» (термин М.М. Бахтина). «Наличие «чужого слова» в заглавии – сильной позиции художественного произведения – еще в большей степени подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога, внести свою лепту в разработку общечеловеческих проблем. При этом цитируемый текст выступает в качестве интерпретирующей системы по отношению к тому, в заглавии которого он цитируется» [33, с. 76].

Некоторые цитаты-заглавия являются загадкой и побуждают читающего проникнуться той идеей, которую пытается преподнести автор.

Следующим, довольно распространенным, способом языкового проявления интертекстуальности является аллюзия. Значение самого термина «аллюзия» неоднозначно и допускает целый ряд самых разнообразных толкований. В немецком литературном предметном словаре определение аллюзии трактуется следующим образом: «Аллюзия – это скрытый в речи или

при письме намека на какого-либо человека, событие или ситуацию, которые предположительно заведомо известны читателю» [34, с. 29].

Широкое распространение в литературе аллюзия получила в так называемых «*Schluesselromane*». Это роман, в котором зашифровано представлены действительные личности, состояния и события. Используя аллюзии, автор пытается блеснуть собственной эрудицией, хочет объединить себя и читательскую публику указанием на общий объем знаний (тезаурус), а также стремится включить собственное произведение в контекст устойчивых литературных традиций. Само слово «аллюзия» в переводе с латинского «*allusio*» обозначают «шутку, намек» [35, с. 14].

Так, в первой главе романа «Евгений Онегин» А.С.Пушкин намекает на свою ссылку, на фоне бытовой ситуации, словно ведется разговор о здоровье: «Но вреден север для меня». Эта аллюзия однопланова: здесь речь идет о ссылке в холодном крае, и только о ней. Аллюзии часто носят политический характер, когда при помощи намека указывается на то, что по цензурным условиям нельзя высказать прямо (например, так называемый «Эзоповский язык»).

Исследователь Л. Машкова понимает под аллюзией «не что иное, как проявление литературной традиции; при этом не проводится принципиального различия между имитацией, сознательным воспроизведением формы и содержания более ранних произведений и теми случаями, когда писатель не осознает факта чьего-либо непосредственного влияния на свое творчество...» [36, с. 120].

После того, как мы вычленим аллюзивное слово или словосочетание из текста произведения, мы вновь возвращаем его в текст, но уже обогащенное соответствующей гаммой ассоциаций, параллелей, дополнительных смысловых оттенков, которые в каждом случае будут абсолютно индивидуальны, уникальны и различны по объему.

Таким образом, явление аллюзии тоже есть способ реализации категории интертекстуальности. При этом в качестве интертекста выступают те слова, которые используются для намека на какое-либо качество героя или же историческую ситуацию и так далее.

Следующим способом проявления интертекстуальности в тексте является афоризм. В переводе с греческого «*aphorismos*» – краткое изречение; «это мысль, выраженная в предельно сжатой и стилистически совершенной форме. Очень часто афоризм представляет собой поучительный вывод, широко обобщающий смысл явлений» [37, с. 24].

В немецкоязычном словаре литературных терминов под редакцией Г.фон Вильперта дается, в частности, следующее определение афоризма, а именно под афоризмом понимается предложение, представляющее собой авторскую мысль, оценку, результат действия или жизненную мудрость и выраженное предельно кратко, точно и убедительно» [34, с. 35].

Афоризм отличается от пословицы остроумным содержанием и индивидуальным авторским стилем. Он может быть стилистически представлен в форме антитезы, гиперболы, эмфазы, это как бы осколочные мысли. Афоризм отличается логичностью, но иногда может приобретать полушутливый

характер. Это сгусток жизненной мудрости в остроумной форме, поэтому требует того, чтобы читающий поразмышлял над содержанием.

В настоящее время существует тенденция рассматривать афоризм как самостоятельный жанр, определенный тип текста. Так, Н.О. Гучинская полагает, что «афоризм представляет собой форму лирическую и в связи с этим следует говорить о нем как о лирическом типе текста» [31, с. 41].

Очередным способом языковой реализации категории интертекстуальности в тексте являются иностилевые вкрапления. В их основе лежат стилистически окрашенные слова – это «слова, в лексическом значении которых имеются коннотации, указывающие на их принадлежность к тому или иному стилю» [38, с. 82].

По мнению Ж.Е. Фомичевой, «при смешении регистров и стилей происходит основанное на интертекстуальности противопоставление кодов двух произведений. В этом случае имеет место деформация старого кода и перераспределение некоторых элементов... старый код приспособляется к выполнению нового коммуникативного задания» [38, с. 85].

Под влиянием такого иностилевого вкрапления происходит преобразование общего смысла произведения, и «чужой» текст подстраивается, трансформируется уже как часть произведения.

Таким образом, иностилевые вкрапления – это тексты с иным субъектом речи. При смешении стилей «...происходит стилистическое и функциональное преобразование инородного фактологического материала... Иностилевые включения, объединенные одним общим признаком – сменой субъекта речи, являются видом интертекстуальности, более или менее маркированных следов другого текста» [38, с. 90-92].

Как очевидно, категория интертекстуальности может реализоваться в тексте в самых разнообразных формах, важнейшие из которых и были рассмотрены выше. Однако в связи с объектом нашего исследования, наибольший интерес представляет для нас тот факт, что интертекстуальность может проявить себя в заголовках газетных статей.

1.4 Роль прецедентных феноменов в формировании национального культурного и когнитивного пространства

В сознании индивида, как представителя определенной этнокультурной общности, культура существует в форме национально-культурного пространства, представляющего собой это бытие культуры в сознании ее носителей. Оно включает в себя все существующие представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества. «Ядром» культурного пространства является когнитивная база, «структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [39, с. 164].

Основными компонентами когнитивной базы каждого лингвокультурного сообщества являются прецедентные феномены, которые и составляют его национально-культурную специфику. Прецедентные феномены функционируют

в вербальном виде (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст) и в вербализованном виде (прецедентная ситуация).

О.А. Корнилов утверждает, что «вербализованная когнитивная база народа, состоящая из вербальных прецедентных феноменов, является неотъемлемой частью национальной языковой картины мира» [40, с. 139]. Национальная языковая картина мира, по мнению А. Вежицкой, одновременно отражает менталитет и формирует речевые стереотипы носителей языка. Она связана с существованием особых обычаев и общественных установлений, с особенностями системы ценностей, принятой в данной культуре [41].

По мнению Ю.Е. Прохорова, прецедентный феномен является базовым, стереотипным ядром знаний на уровне этнической культуры, а не личности, а авторы коллективной монографии Д.Б. Гудков, Л.П. Клобукова, И.В. Михалкина рассматривают прецедентные феномены, как эталоны национальной культуры, которые «с одной стороны отражают, а с другой – задают определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется /запрещается следовать [42, с. 249].

Э.Д. Хирш признает наличие национально-детерминированной системы символов, ассоциаций и информации. При вербализации прецедентных феноменов у коммуникантов возникают национально-обусловленные ассоциации, которые связаны с инвариантными представлениями конкретных культурных феноменов, с национально-детерминированными минимизированными представлениями последних. Инварианты восприятия прецедентных феноменов составляют основу когнитивной базы [43].

В самом когнитивном пространстве можно выделить центр (ядро) и периферию. Ядро будут заполнять прецедентные феномены, обладающие широкой известностью и «одинаковостью» представлений о них у всех представителей данного сообщества, периферия же будет состоять из феноменов с меньшей известностью, с различными инвариантами восприятия или данные прецедентные феномены по степени «устойчивости» можно охарактеризовать, как «вечные», «рождающиеся» или «умирающие». Например:

- **«вечные»** («бессмертные»), например, *«Счастливые часов не наблюдают»*; *«Один в поле не воин»*; *«Дыма без огня не бывает»* и др.;
- **«сохраняющиеся/изменяющиеся»**, т.е. сохранившиеся как феномен, но с изменившимся инвариантом восприятия, например, *«Два мира – два детства»*; *«Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»*; *«Правильным путем идете, товарищи!»*; *«Пьянству – бой»* и др.;
- **«рождающиеся»** (новые), например, *«Ты где был? – Пиво пил»*; *«Борис, ты не прав»*; *«Пациент скорее жив, чем мертв»*; *«Упал. Отжался. Гипс»* и др.;
- **«умирающие»**, т.е. уходящие в прошлое, например, *«Советское – значит отличное»*; *«Бытие определяет сознание»*; *«Впереди планеты всей»* и др.

Согласно данной концепции, ядерная, и периферийная часть когнитивного пространства не являются жестко разделенными, и прецедентные феномены из периферии могут при определенных условиях переходить в ядро, и, наоборот, ядерные прецедентные феномены со временем могут вытесняться в периферийную зону и даже за рамки когнитивного пространства. Как подчеркивают исследователи, именно подобные «зоны перехода» и

принадлежащие им прецедентные феномены могут служить угрозой при коммуникации и приводить к сбоям в процессе понимания.

Совокупность прецедентных феноменов того или иного лингвокультурного сообщества представляет собой ядерную часть национального когнитивного и ментального культурного пространства. Каждый прецедентный феномен представлен в когнитивном пространстве в виде комплекса когнитивных структур: вербальных и феноменологических. Вербальные прецедентные феномены (прецедентное высказывание и прецедентное имя) создаются обоими видами когнитивных структур, а вербализуемые (прецедентный текст и прецедентная ситуация) хранятся в когнитивном пространстве в виде феноменологических когнитивных структур, но при использовании в речи необходимым оказывается – обращение к вербальным когнитивным структурам.

Прецедентные феномены входят в когнитивное пространство при условии, что они опознаются большинством представителей лингвокультурного сообщества; это обуславливается наличием общего и стереотипного представления, лежащего в основе прецедентного феномена.

Как отмечает Д.Б. Гудков, данное общепринятое представление может соответствовать представлению отдельного индивида о данном феномене, но может и отличаться, что, однако, не мешает индивиду использовать тот или иной прецедентный феномен в своей речи и быть понятым другими представителями сообщества, актуализируя именно наиболее общее «редуцированное» представление.

Таким образом, при вхождении прецедентных феноменов в ментальное культурное пространство все присущие ему признаки подразделяются на существенные / несущественные, первые закрепляются за данным прецедентным феноменом и образуют «национально детерминированное минимизированное представление», последние игнорируются.

Д.Б. Гудков особо подчеркивает национальный характер подобных представлений и самого алгоритма минимизации, поскольку «у представителя иной, культуры может существовать другой алгоритм минимизации того же самого феномена, иные принципы выделения его признаков и деления их на существенные/несущественные. Это приводит к тому, что структура национально детерминированного минимизированного представления у представителей разных культурных общностей может оказаться различной» [44, с. 54-56]. Например: *Живет в Туле, да ест дули / Сақалы жоқ, мұрты жоқ, құдайдан үміті жоқ; за Москву-мать не страшно и умирать / Ел үшін еркек кіндік құрбандық; старших и в Орде почитают / Үлкенге құрмет әр жерде; язык да Киева доведет.*

Прецедентные феномены или стоящие за ними национально детерминированные минимизированные представления выступают как результат действия кодов любой культуры, представляют образцы, задающие модели восприятия и поведения. Различия в «минимизации» ведут к тому, что представления одного и того же феномена у членов различных ЛКС существенно отличаются друг от друга.

Кроме прецедентных феноменов, в когнитивное пространство входят и другие структурные единицы, обеспечивающие хранение и переработку информации: фреймы, схемы, скрипты, планы, сценарии и т.д., представляющие собой «пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), обеспечивающие адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [45, с.8].

Данные понятия являются, как указывают исследователи, «динамическими моделями», «алгоритмами восприятия и редукции, схематизации, иерархизации и актуализации поступающей информации», которые определяются той или иной культурной традицией. При этом данные «динамические модели» непосредственно связаны со «статичными» элементами когнитивного пространства, т.е. с прецедентными феноменами, которые представляют собой результат функционирования этих моделей, но в то же время определяют механизмы действия данных моделей.

Прецедентные феномены принадлежат к языковому уровню сознания, а стоящие за ними концепты (фреймы) – концептуальному. Согласно концепции В. Фон Гумбольдта, язык неразрывно связан с сознанием и культурой народа: «В действительности язык развивается только в обществе, и при этом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания, как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши на других понятность своих слов» [3, с. 27].

Обзор лингвофилософских концепций о взаимосвязи языка и сознания свидетельствует, что воздействие трех указанных сущностей (языка, сознания и культуры) является взаимным. Язык представляет своего рода призму, сквозь которую человек воспринимает окружающую действительность. Исследователи отмечают, что внутренние чувства намного богаче, чем слово. Другими словами, концепт, стоящий за прецедентными феноменами, всегда значительно шире по значению, чем выражающее его слово. Сознание имеет коллективный характер, но, тем не менее, в нем наличествует и индивидуальный компонент.

Язык – это не только посредник между явлениями реальности и человеком, но и между людьми. Мышление возможно на вербальном и авербальном (экстралингвистическом) уровне, при помощи универсального предметного кода, который одинаков для носителей разных языков, различаются же лишь личностный опыт, условия жизни, традиции, чем обусловлено различие в отношении к действительности [46, с.65].

Знания и представления об окружающей действительности структурированы в виде ментальных пространств. Релевантной для нас является концепция о двух моделях репрезентации культурного пространства: реальной и ментальной. Реальное культурное пространство содержит систему ценностей, стереотипов, норм лингвокультурного сообщества; ментальная модель относится к сознанию, и ее формируют единицы реального культурного пространства, но отраженные в сознании в редуцированном виде. В ментальном культурном пространстве выделяется центр, единицы которого известны всем представителям той или иной культуры, и периферия. Культурное пространство

существует на национальном уровне, следовательно, мы вправе говорить о русском (казахском) культурном пространстве. Когнитивное пространство имеет индивидуальный, коллективный и национальный компонент. Индивидуальное когнитивное пространство представляет собой структурированную совокупность знаний и представлений индивида. Коллективное когнитивное пространство формируется структурированной совокупностью знаний и представлений, характерных для того или иного социума. Наконец, национальное когнитивное пространство включает структурированную совокупность знаний и представлений об окружающей действительности, которая присуща всем членам лингвокультурного сообщества. Знания и представления национального когнитивного пространства носят национально и культурно детерминированный характер. Когнитивное и ментальное культурное пространства образуются феноменологическими и вербальными когнитивными структурами. Первые носят лингвистический и экстралингвистический характер, вторые представлены законами о функционировании языка.

Таким образом, ядро когнитивных пространств занимают прецедентные феномены, которые известны всем представителям лингвокультурного сообщества и имеют национально-детерминированный инвариант восприятия. Обращение к ним реализуется в языке и речи. В рамках прецедентных феноменов выделяются прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные ситуации и прецедентные высказывания.

Таким образом, прецедентные феномены составляют неотъемлемую часть когнитивного и культурного пространств, определяют отношение говорящего к действительности, функционируя как эталоны сравнения, задающие координаты на оси оценки. Одни прецедентные феномены входят в ядерную, центральную часть когнитивного пространства, т.е. находятся на пике своей прецедентности, а другие принадлежат периферии и влияют на восприятие окружающего мира в меньшей степени: это либо феномены, становящиеся прецедентными, либо теряющие свою прецедентность. Со временем прецедентные феномены могут изменять свое местоположение в рамках когнитивного и ментального культурного пространства: переходить с периферии в ядро, или, наоборот, из ядра на периферию, или вообще выпадать из когнитивного пространства.

Каждый прецедентный феномен характеризуется наличием национально детерминированного минимизированного инварианта восприятия.

Национально детерминированные минимизированные представления, стоящие за прецедентными феноменами, обладают ярко выраженной аксиологичностью, за каждым из них закреплена определенная оценка, т.е. каждый из прецедентов является образцом каких-либо действий, поступков.

1.5 Место прецедентных текстов в структуре языковой личности

В последнее время среди исследователей большое внимание уделяется учению о языковой личности. Термин «языковая личность» появился в работе Г.И. Богина «Концепция языковой личности» [47], а Ю.Н. Караулов придал

этому термину «парадигмальный статус» [2, с. 26] и ввел в активный научный оборот. Однако до сих пор нет единого понимания этого термина, поэтому термин «языковая личность» рассматривают широко (от субъекта, индивида, автора текста, носителя языка до языковой картины мира и знаний о мире, знаний языка и знаний о языке, вплоть до языкового сознания, менталитета народа).

Языковая личность предстает как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровням языка...» [2, с. 29]. Ю.Н. Караулов предложил структуру языковой личности, состоящую из трех уровней:

- вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;
- когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую его иерархию ценностей; когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека;
- прагматического, включающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [2, с. 5].

Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, которые в совокупности охватывают все используемые при изучении языка единицы, своеобразно перераспределяя их соответственно специфике названных уровней.

К вербально-грамматическому уровню относятся единицы традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка: *слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, антоним, словосочетание, управление, согласование, предложение.*

В качестве единиц когнитивного уровня, организующих статичную и относительно стабильную картину мира носителя языка, выступают: *денотат, сигнификат, экстенционал и интенционал понятия, фрейм, генерализованное высказывание (афоризм, сентенция, поговорка), фразеологизм, метафора, наглядный образ* и др.

В состав единиц прагматического уровня, отражающего намерения и цели носителя языка, его активную позицию в мире и, соответственно, динамику его картины мира, включаются такие единицы, как *пресуппозиция, оценка, прецедентные тексты, ключевые слова, сценарии и, программы поведения, способы аргументации.*

Вербально-грамматический уровень в структуре языковой личности связан непосредственно с языком, его устройством, включает в себя такие понятия, как

внутренний лексикон, ассоциативно-вербальная сеть. Внутренний лексикон – словарь языковой личности, в который входят не только слова и фразеологизмы, но и типовые связи слов, основанные на семантической близости или семантическом противопоставлении, синтаксических и ассоциативных связях. Никто не может отрицать важность и актуальность хранения знаний в голове человека. Интересной является и другая проблема: в каком виде языковые знания существуют для говорящего и что именно он знает, используя ту или иную синтаксическую схему и заполняя ее теми или иными словами. Именно эту совокупность знаний, отлагающихся в памяти человека, и называют внутренним лексиконом, или ассоциативным тезаурусом языковой личности.

Этот способ представляет собой концепцию трехуровневого представления модели языковой личности. Намечая мотивационный (или прагматикой), тезаурусный (или тезаурус) и вербально-семантический (или лексикон) уровни языковой личности, автор ставит их в параллель с выделяемыми в схеме смыслового восприятия побуждающим, формирующим и реализующим уровнями [2, с. 51]. Аргументируя тезис конгруэнтности процессов восприятия трех уровней модели языковой личности, он отмечает, что в структуре процесса понимания различают также:

- понимание замысла отправителя текста (этот уровень соответствует в языковой личности мотивационному уровню);
- понимание концепции текста (в структуре языковой личности - это тезаурусный уровень);
- понимание смысла слов и их соединений на низшем - вербально-семантическом уровне.

Далее автор высказывает мысль о том, что структура языковой личности складывается на каждом из уровней изоморфно, из специфических типовых элементов:

- единиц соответствующего уровня,
- отношений между ними;
- стереотипных их объединений, особых, свойственных каждому уровню комплексов.

Так, на нулевом (вербально-семантическом) уровне, в качестве единиц выступают отдельные слова как единицы вербально-ассоциативной сети, причем отношения между этими единицами охватывают все разнообразие парадигматических, семантико-синтаксических и т.д. связей, а стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные фразы типа «ехать на троллейбусе», «пойти в кино», «купить хлеба», «выучить уроки», которые выступают как своеобразные «паттерны» и клише.

«На лингвокогнитивном (тезаурусном) уровне в качестве единиц выступают обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом. Отношения между этими единицами... выстраиваются в достаточно строгую иерархическую систему, в какой-то (непрямой) степени отражающую структуру мира, и известным (и отдаленным) аналогом этой системы может служить

обыкновенный тезаурус» [2, с. 52]. Стереотипам на этом уровне соответствуют устойчивые стандартные связи между дескрипторами, которые находят свое выражение в генерализированных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего многообразия которых каждая языковая личность выбирает именно те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым незыблемые для нее истины, в значительной степени отражающие, а значит, и определяющие ее жизненное кредо, ее «жизненную доминанту».

Подводя итог этим рассуждениям, автор делает вывод о том, что собственная языковая личность начинается не с нулевого, а с первого – лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня, потому что «только начиная с этого уровня, оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение – пусть и в нешироких пределах – одного понятия другому».

«Нулевой же уровень – слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные сочетания (паттерны) – принимаются каждой языковой личностью как данность, и любые индивидуально-теоретические потенции личности, проявляющиеся в словотворчестве, оригинальности ассоциаций и нестандартности словосочетаний, не в состоянии изменить ту генетически и статистически обусловленную данность» [2, с. 52]. Индивидуальность, по словам автора, проявляет себя в способах иерархизации понятий, в способах их перестановок и противопоставлений при формулировке проблем, то есть «на субъективно-тезаурусном уровне».

Третий уровень (высший) – мотивационный. Это уровень устройства языковой личности еще более подвержен индивидуализации. Автор полагает, что этот уровень состоит из тех же типов элементов – единиц, отношений и стереотипов. В качестве единиц здесь выступают не «языково-ориентированные элементы – слова, и не гностически-ориентированные элементы тезауруса – концепты, понятия, дескрипторы» – единицы мотивационного уровня ориентированы на прагматику, и на этом уровне речь идет, согласно автору, «о коммуниктивно-деятельностных потребностях» личности. При этом Ю.Н. Караулов считает, что называть их только коммуникативными неправомерно, «поскольку в чистом виде таких потребностей не существует – личностные, равно как и аналогичные более масштабные общественные потребности диктуются экстрапрагматическими причинами» [2, с. 53]. Автор признает, что полный перечень таких коммуниктивно-деятельностных потребностей личности пока не создан, и создать его чрезвычайно сложно. И отношения между единицами этого уровня задаются условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и коммуникативных ролей общающихся.

Эти отношения образуют, как считает Ю.Н. Караулов, «свою сеть (сеть коммуникаций в обществе), достаточно устойчивую и традиционную, и проследить ее в полном объеме представляется исключительно сложной задачей» [2, с. 54].

Языковая личность на мотивационном уровне «сливается с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле, что закономерно, поскольку, по определению, языковая личность есть личность,

выраженная в языке (в текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [2, с. 38].

В настоящее время Ю.Н. Карауловым предложены результаты обобщения и осмысления различных пониманий рассматриваемого понятия и представлена трехчастная структура:

- 1) ядро;
- 2) модификация;
- 3) периферия данного понятия.

«Языковая личность: ниша в предмете (лингвистики): субъект (осмысливший мир и отразивший его в своей речи); индивид, автор текста, носитель языка, информант, активный информант, пассивный информант, говорящий, речевой портрет; языковая личность специалиста-филолога (филологическая личность), персонаж художественного произведения, конкретная историческая личность, национальная личность.

Научная парадигма «человек и язык», связь «язык — человек», антропологическая лингвистика, антропологическая лингвистика, национальная культура, знание языка, знание о языке, языковая картина мира, знания о мире, тезаурус языковой личности, языковое сознание, (национальное) самосознание, менталитет народа, ментальное пространство (носителя языка), ассоциативные связи, ассоциативное поле, лексикон внутренний, лексикон индивидуальный, лексикон языковой личности, психолингвистический эксперимент, прецедентный текст» [49, с. 63-65].

Приведенная цитата, с одной стороны, содержит систематизацию существующих взглядов на «языковую личность», с другой — представляет широкий спектр различных трактовок рассматриваемого понятия. Исходя из вышеизложенного, наша работа будет сосредоточена на таких понятиях как: ассоциативные связи; ассоциативное поле; прецедентный текст.

Как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, владеющих разными коммуникативно-языковыми подсистемами и пользующихся ими в зависимости от тех или иных социальных функций общения» предлагает рассматривать языковую личность Л.П. Клобукова [49, с.95].

В связи со сказанным В.В. Красных предлагает дифференцировать следующие личности в зависимости от видов деятельности:

- личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность — «человек говорящий»;
- языковая личность — личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);
- коммуникативная личность — конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации. [50, с.54-55].

Понятие языковой личности является родовым. Видовое понятие национальная языковая личность, находящееся в центре исследовательского

поля данной работы, означает, что все уровни структуры этой личности опосредованы национальным языком, являющимся средством выделения и формирования данного социума, и именно в единицах национального языка зафиксировано то знание, которое обеспечивает полноценное существование в социуме каждого его члена.

Понятие языковой личности не замыкается на индивидуальном пользователе языком, но выходит на уровень национального языкового типа. Ю.Н. Караулов указывает на существование общерусского языкового типа, являющегося предпосылкой существования инвариантной части в структуре каждой отдельной языковой личности. Именно эта инвариантная часть обеспечивает возможность взаимопонимания носителей разных диалектов, социальных и культурных кодов, а также понимание языковой личностью текстов, значительно отстоящих от нее во времени [2, с. 38].

Итак, в структуре языковой личности различаются лексикон, тезаурус и прагматика. Теоретически такое деление выглядит вполне убедительно: каждый уровень характеризуется своим набором единиц отношений между ними, уровни противоплагаются один другому и определенным образом взаимодействуют в процессах речевой деятельности индивида. Однако на практике, при исследовании конкретного, индивидуального лексикона, тезауруса и прагматикона, взаимопроникновение этих уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются, теряют ту четкость, которая присуща им в теоретических построениях. Особенно отчетливо взаимопроникновение этих уровней прослеживается на основе результатов психолингвистического (ассоциативного) эксперимента.

В ассоциативных экспериментах исследуется индивидуальный лексикон. Он выступает как интраиндивидуальный, если в серии опытов испытуемым является одна и та же личность, или как интериндивидуальный, когда ассоциативный эксперимент носит массовый характер, как при построении ассоциативных словарей.

В результате такого рода исследования мы строим ассоциативно-семантическую сеть, которая и структурно, и по составу должна репрезентировать именно лексикон, т.е. отражать самый первый, низший уровень организации языковой личности – лексико-семантические связи единиц. Однако при попытках интерпретировать полученную в результате ассоциативных экспериментов вербально-семантическую сеть, т.е. проанализировать ее состав и связи единиц, мы обнаруживаем в ней переплетение собственно языковых, содержательно-строевых элементов (лексико-семантических, лексико-грамматических данных) одновременно и со знаниями о мире, и с единицами высшего уровня – прагматикона личности.

Таким образом, исследуя роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности, Ю.Н. Караулов формулирует главные вопросы, на которые необходимо ответить: как в целом можно оценить обращение того или иного персонажа к прецедентным текстам и что дает такое обращение? для чего они используются? [2, с. 219].

Мы рассматриваем коммуникацию как взаимодействие «говорящих сознаний» коммуникантов, для успешного общения необходимо существование

достаточно обширной «зоны пересечения» этих сознаний. Сознание оказывается во многом детерминировано национальной культурой, особенностями социума.

Сознание вступает в сложные отношения с языком и мышлением, образуя единый ментально-лингвальный комплекс; когнитивные структуры оказываются, соотнесены с языковыми единицами и категориями, хотя и не тождественны им; это позволяет нам говорить о когнитивном и языковом сознании, которое включает в себя знания не только о языке, но и об объектах внешнего и внутреннего мира человека, опосредованных языком и находящих свое выражение в речи.

Языковое сознание – это «говорящее сознание», становящееся в коммуникации и являющее себя в коммуникации. И.А. Стернин отмечает: «Языковое сознание – компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека, это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков» [51, с. 45].

Языковое сознание, существуя как коллективное сознание определенного лингвокультурного сообщества, являет себя и доступно наблюдению лишь тогда, когда опосредуется конкретной языковой личностью; в ее деятельности (прежде всего, речевой деятельности). Сказанное заставляет нас обратиться к рассмотрению того, что будет пониматься нами под «языковой личностью».

Сознание оказывается социально обусловлено и опосредовано в знаках определенной национальной культуры, поэтому невозможно говорить о «чистой» индивидуальности языкового сознания при всей его неповторимости и вариативности для каждой языковой личности. «Фундаментом» индивидуального когнитивного пространства оказывается когнитивная база лингвокультурного сообщества. В структуре языкового сознания можно выделить инвариантную часть, единую для всех языковых личностей, входящих в определенное лингвокультурное сообщество, которое рассматривается нами как «многочеловеческая личность».

В настоящем научном исследовании интересовали не столько общеязыковые знания, сколько отражение в языке и вербальном поведении экстралингвистических знаний, то, как культура сообщества, включающая его ценностные установки, определяет корпус тех феноменов, которые в этом сообществе получают статус прецедентных, и определяется корпусом данных феноменов, каковы особенности актуализации последних в коммуникации.

Текстовая концептосфера представлена в ассоциативно-вербальной сети языковой личности довольно богато. Способы включения прецедентных текстов в обыденный дискурс языковой личности может быть получен разными методами, один из них представлен в монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». В этой работе в качестве объекта исследования – языковой личности – выступают литературные персонажи романа Руслана

Киреева «Подготовительная тетрадь». При этом автор выявляет три основных способа обращения главного героя романа к прецедентным текстам:

1) в целях номинации, «когда знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету, отождествляется с наиболее заметной, запоминающейся и потому всем известной чертой лица (персонажа, писателя) или всего произведения в целом. *«Что Достоевский! Этажные администраторы гостиниц - вот лучшие психологи мира!»* (с.43). Т.е. Достоевский – как психолог в превосходной степени, психолог с большой буквы, критерий и непревзойденный образец знатока человеческой души...

Комментируя приведенные примеры, Ю.Н.Караулов отмечает, что «от обычной номинации ... приведенные здесь случаи... отличает обязательная эмоциональная нагруженность такого рода отсылок, а значит, наличие в этой номинации дополнительного экспрессивного оттенка... в нем всегда можно констатировать присутствие элемента преувеличения, гиперболизма, одобренного часто большей или меньшей долей иронии» [2, с. 221, 222].

2) Второй тип использования прецедентных текстов в дискурсе языковой личности литературного персонажа Ю.Н.Караулов называет референтным, когда происходит количественное увеличение числа лиц, к которым она апеллирует. Ю.Н.Караулов подчеркивает, что «эта группа расширяется за счет имен, вводящих прецедентные тексты, – Гете, Слепцов, Толстой, Гессе, Пушкин, Сенека, Чернышевский, Дон Жуан, Дон Кихот, – причем роль их не зависит от того, принадлежит ли имя исторически реальной личности или персонажу художественного произведения, меняется несколько лишь способ характеристики соответствующего прецедентного текста. В случае апелляции к имени автора применяется цитирование или пересказ, при обращении к персонажу последний выступает либо как собеседник говорящего (автор дискурса), либо как объект сопоставления с представителем реальной референтной или антиреферентной группы. Последняя формируется по тому же принципу, что референтная, но с обратным знаком» [2, с. 227-228].

3) Еще один способ введения прецедентных текстов – цитирование. Внутри этого способа Ю.Н.Караулов выделяет три разновидности:

а) «В речь включается некое высказывание, носящее характер формулы, правила (например, *«Понять, сказал Рафаэль, значит стать равным»*);

б) цитата как бы естественным образом продолжает и развивает течение оригинального дискурса, но главная ее роль состоит в облегчении способа аргументации говорящего и в подкреплении выраженной в ней мысли ссылкой на авторитет, т.е. опять-таки в апелляции к члену референтной (антиреферентной) группы: *«И я с удовольствием цитировал престижного Германа Гессе, который, как и следовало ожидать, тоже был кумиром Мальгинова и который еще полвека назад определил мещанство как «стремление к уравновешенной середине между бесчисленными крайностями и полюсами человеческого поведения»* (с.115); что касается цитирования этого типа, то оно, как правило, лишено экспрессивного ореола, его роль более определена и состоит в усилении аргументации в дискурсе языковой личности и расширении референтной (антиреферентной) группы;

в) «скрытое цитирование, в том числе трансформированные цитаты, т.е. измененные говорящим, данной языковой личностью применительно к случаю, но в твердой убежденности, что они остались узнаваемы, восстанавливаемы (Ср. употребленное применительно к оценке одного из рассказов, знаменитое пушкинское «*Ай да Иванцов! Ай да сукин сын!*» (с.60). [2, с. 230-231].

Другой подход к выявлению способов функционирования прецедентных текстов в обыденном дискурсе предлагает Г.Г. Слышкин. Этот автор акцентирует внимание на формировании концептов прецедентных текстов в сознании носителя языка и реализации этими концептами определенных языковых функций (номинативной, персуазивной, людической, парольной) в различных типах дискурсов в процессе коммуникации. При этом концепты прецедентных текстов составляют часть «коллективных культурных концептов» и образуют текстовую концептосферу.

Конечно, в нашем исследовании мы опирались на работы Ю.Н. Караулова, Г.Г. Слышкина по выявлению способов функционирования прецедентных текстов в обыденном дискурсе языковой личности. В тоже время мы предприняли попытку найти ответ на поставленный вопрос, обратившись к ассоциативно-вербальной сети казахстанца как представителя полиэтнического государства.

Мы прекрасно понимаем, что условия проведения ассоциативного эксперимента несколько сужают возможности респондентов, предлагая им реагировать на предложенные стимулы первым пришедшим в голову словом. Однако пара стимул-реакция часто оказывается настолько «текстово заряженной», что позволяет «домыслить», восстановить недостающие элементы обыденных коммуникативных ситуаций, в которых прецедентные тексты выполняют роль специфических культурных знаков. Особенно информативными в этом смысле оказываются ассоциативные поля обратного словаря – от реакции к стимулу, в которых заголовочными словами являются сами прецедентные или потенциально прецедентные тексты. Обратимся к примерам.

- *Белые розы* – Шатунов, Разин, 80-ые годы;
- *Гамлет* – Шекспир, Высоцкий, «быть или не быть»;
- *Миллион* – алых роз, денег, терзаний.

Анализ приведенного списка ассоциативных пар позволяет выявить имплицитно содержащиеся в них способы ввода прецедентных текстов в обыденный дискурс.

Так, пример (1) – это название популярной песни группы «Ласковый май», солистом которой был Юрий Шатунов, а продюсером – Андрей Разин, а (3) – строчка из популярной эстрадной песни из репертуара Аллы Пугачевой, ставшие прецедентными.

Эти тексты были подхвачены журналистами, литературными и музыкальными критиками, в обыденной коммуникации стали использоваться по разным поводам:

- 1) как символ развлекательной песенной продукции;
- 2) когда говорят о цветах вообще;
- 3) в высказываниях о пылкой любви, обычно с оттенком иронии.

Пример (2) – это прецедентное имя, название художественного текста, вошедшее в сокровищницу мировой литературы. Имя главного героя стало прецедентным и используется в обыденных ситуациях при решении сложных нравственных вопросов.

Таким образом, языковая личность представляет собой многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности. Понятие языковой личности не замыкается на индивидуальном пользователе языком, но выходит на уровень национального языкового типа. Ю.Н. Караулов указывает на существование общерусского языкового типа, являющегося предпосылкой существования инвариантной части в структуре каждой отдельной языковой личности.

В ассоциативно-вербальной сети языковой личности довольно богато представлена текстовая концептосфера, ядром которой являются прецедентные тексты, успешно «адаптировавшиеся» к советской культуре и существующие в обыденном сознании казахстанцев как «свои», о чем свидетельствуют данные эксперимента.

1.6 Когнитивный ракурс изучения прецедентных текстов

По мнению когнитологов, все знания человека об окружающей действительности вербального и невербального характера переводятся в ментальные репрезентации, ментальные модели или пространства, концептуальные или когнитивные области. Под когнитивной областью (концептуальной областью) понимается структурированный опыт представителей лингвокультурных сообществ, полученный в процессе взаимодействия с действительностью (Р. Ленекер, Дж. Лакофф, М. Джонсон).

Поиск ответов на вопросы о механизмах хранения прецедентных текстов в вербальной памяти индивида и способах актуализации в том или ином дискурсе предопределил когнитивный аспект их изучения в современной парадигме знаний.

Так, В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова выделяют следующие свойства прецедентных высказываний:

- анафоричность по отношению к породившему его тексту;
- дейктичность по отношению к ситуации, в контексте которой оно в первый раз возникло;
- и структурную автосемантическую [45].

Авторы рассматриваемой работы, опираясь на известную книгу Н.А. Рубакина «Психология читателя и книги: Краткое введение в библиографическую психологию» (М., 1929), вводят понятие «сильной позиции» текста.

В лингвистической литературе чаще всего употребляется термин «ключевое слово», хотя можно встретить и другие обозначения: «опорное слово» (В.В. Одинцов), «ключевой элемент» (А.В. Пузырев), «смысловые вехи» (А.Н. Соколов), «смысловые опорные пункты» (А.А. Смирнов), «смысловые ядра» (А.Р. Лурия). Объединяющим фактором всех перечисленных терминов

является то, что они обозначают такие части текста, которые несут значимую нагрузку в понимание смысла текста. Обычно ключевые части текста свертывают информацию, тогда как понимание и сеть своего рода сокращение, редукция информации. Таковыми фрагментами текста являются заголовок, начало и конец.

Если некоторое высказывание занимает в структуре исходного текста сильную позицию, то, безусловно, у него «есть шанс» стать прецедентным. Например: *«Война и мир»*, *«Преступление и наказание»*, *«Путь Абая»* и др. Эти заголовочные конструкции давно вошли в культурный контекст, стали «универсальными высказываниями», «генерализованными» (Ю.Н. Караулов), так как являются самодостаточными для понимания, автосемантическими, следовательно, коммуникативно сильными.

Таким образом, заголовок прецедентного текста концентрирует в себе прецедентность всего текста, будучи в сильной позиции, т.е. инициальным или конечным предложением фрагмента первоначального текста. Заголовок представляет собой результат процесса «свертывания» прецедентного текста, получившей название текстовой редукции.

ВЫВОДЫ

Детально изучив труды видных ученых занимающихся прецедентными текстами мы пришли к таким выводам:

1. Многие ученые предлагают свою классификацию прецедентным феноменам. Все эти классификации имеют право на жизнь и требуют тщательного изучения.
 2. Прецедентные феномены не статичны, они имеют определенную продолжительность, которая зависит от частоты использования и сферы существования прецедентного феномена. Среди них следует отметить такие как :**вечные**(«бессмертные»),**«сохраняющиеся/изменяющиеся»**, **«рождающиеся»** (новые), **«умирающие»**.
 3. Прецедентные феномены являются неотъемлемой частью культуры таким образом определяют отношение говорящего к действительности, функционируя как эталоны сравнения, задающие координаты на оси оценки.
- Каждый прецедентный феномен характеризуется наличием национально детерминированного минимизированного инварианта восприятия.

2 Типология прецедентных текстов

В целях характеристики объекта нашего исследования – знаков прецедентных текстов русскоязычной культуры – необходимо типологизировать их источники. Известно, что термин типология (от греческого *typos* – «отпечаток, форма, образец» и *logos* – «слово, учение») означает расчленение систем объектов и их группировку с помощью обобщенной модели, или типа. Типология применяется для сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объекта, при этом основные используемые логические формы – тип, классификация, систематика и таксономия [52].

2.1 Типы прецедентных текстов

Прецедентный текст является сложным образованием, которому присущи различные характеристики и признаки, поэтому необходимо определить основания для типологии. Как отмечает В.Г. Гак, «любое явление, типы существования которого исследуются, характеризуется многими свойствами, аспектами, объектами, объективно ему присущими, и различные типы могут быть выделены в отношении каждого из этих аспектов. Поэтому одну общую типологию для данного явления построить невозможно, она отразит лишь одну – быть может, одну из существенных, – но лишь одну сторону объекта. Первой задачей типологического анализа является, таким образом, установление «типологии типологий», то есть определение тех разнообразных типологических описаний, которые можно создать в отношении данного объекта и которые непосредственным образом вытекают из природы изучаемого явления, отражая его различные стороны» [53, с.310].

Разделяя точку зрения Г.Г. Слышкина на то, что к прецедентным текстам могут быть применены любые типологии, составленные для обычных текстов, мы считаем важным классифицировать сами произведения, ставшие источниками прецедентности [12, с. 73].

Таким образом, построение типологии в нашей работе основано на выделении в качестве существенного признака наличие текста-источника, который определяется как произведение, ставшее прецедентным. Обоснованность такого выбора подтверждается тезисом Г.Г. Слышкина о релевантности этого признака для актуального слоя текстового концепта [12, с. 128]. Избранный нами подход позволяет выделить основные типы источников прецедентных текстов, установить критерии долговечности этих типов, выявить зависимость между долговечностью типа и устойчивостью порожденных им знаковых единиц, а также уточнить характер связей между лингвистическим и культурным пространством.

«Прецедентные тексты перешагивают рамки искусства, где исконно возникли и воплощаются в других жанрах» [2, с. 106], поэтому мы считаем

оправданным расширением узкого литературоведческого понятия «жанр» и далее под жанром будем понимать исторически сложившееся внутреннее подразделение во всех видах искусства [52, с.396].

Опираясь на постулаты теории речевых жанров, разработанной М.М. Бахтиным, отметим также, что жанр характеризуется многообразием форм речевого воплощения: от бытового диалога и поговорки до многотомного романа и публицистического выступления [54, с. 250]. Этот подход позволяет включить в материал исследования не только литературные тексты, но и тексты произведений массовой культуры, или медиатексты.

При анализе источников типов прецедентных текстов нами учитывалось, что такие тексты являются отражением сложного взаимодействия между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью.

Наличие базового текста-источника теоретически делает возможным употребление не только известного интертекста, но и введение «говорящим» в дискурс индивидуально выделенного им сегмента, представленного собеседнику для декодирования.

Изменение социальных, культурных и экономических условий жизни человека ведет к изменению системы актуальных для него ценностей и приоритетов. Носитель языка откликается на эти изменения, вводя в свою речь языковые единицы, обозначающие новые реалии действительности. Чем большее значение для представителей лингвокультурного сообщества имеет событие, имя или явление, ассоциирующееся с этой языковой единицей, тем шире круг употребляющих ее продуцентов и реципиентов.

Систематизация типовых сфер-источников прецедентности является одним из перспективных направлений в современной лингвистике. Основным источником интертекстуальности считается художественная литература, однако в исследовании О.С. Ахмановой и И.В. Гюббинет (1977) были разграничены два вида вертикального контекста:

- филологический;
- социально-исторический.

Последняя разновидность была детально рассмотрена И.В. Гюббинет, которая отмечает, что социально-исторический контекст участвует в создании социально-исторического образа персонажей, автора и эпохи, а также служит для характеристики образа автора [55, с. 98].

Широкий подход представлен в монографии Ю.Н. Караулова – создателя теории прецедентных текстов [2, с. 216], который относит к числу прецедентных явлений не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что позволивших утверждать возникновение теории прецедентных феноменов.

По мнению А.Е. Супруна, в качестве источников текстовых реминисценций можно считать:

- Библию,
- античную мифологию,
- отечественный фольклор,

- русскую и зарубежную литературу,
- популярные песни,
- политические тексты [16, с. 25].

К числу источников для пополнения фонда прецедентных феноменов, по мнению Е.Г. Ростовской, стали тексты, используемые в современных отечественных публикациях:

- тексты, возникшие на русской культурной почве (фольклорные произведения, авторские тексты, анекдоты, лозунги и т.п.);
- инокультурные и иноязычные знаменитые тексты, переведенные на русский язык, а также тексты на иностранных языках;
- русские тексты, возникшие на основе иностранных, что является следствием «диалога культур», в процессе которого иноязычный текст не просто переводится, а интерпретируется и даже пересоздается на новой языковой и культурной почве;
- фольклорные и авторские тексты, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов (прежде всего это фольклорные тексты) [56].

На основании анализа цитат, использованных в газетных заголовках, Е.А. Земская (1996) выделяет следующие разновидности прецедентных текстов:

- стихотворные строки;
- прозаические цитаты;
- строки из известных песен;
- названия художественных произведений;
- названия отечественных и зарубежных кинофильмов;
- пословицы, поговорки и крылатые выражения [57, с. 159-167].

Так, в статье Р.Л. Смулаковской, исследовавшей прецедентные феномены в современной прессе, предложена следующая классификация указанных феноменов по сферам-источникам:

- литературные произведения;
- популярные песни;
- кинофильмы;
- паремиологический фонд;
- клише советского политического дискурса [58, с. 114].

В диссертации Л.В. Разумовой (2002), исследовавшей художественные тексты, антропонимы, которые используются как прецедентные феномены, подразделяются на четыре следующие группы:

- сфера литературы;
- сфера мифологии и религии;
- сфера истории;
- сфера искусства и культуры [59].

Следует говорить о праве существования и такой классификации, однако она. На наш взгляд, носит несколько обобщенный характер.

Наиболее детально представлена классификация прецедентных имен в исследованиях С.Л. Кушнерук, выделившей на основании изучения

современного рекламного дискурса следующие сферы-источники: прецедентных имен:

- музыканты;
- актеры, режиссеры;
- писатели, поэты;
- деятели прошлого;
- выдающиеся современники;
- спортсмены;
- живописцы;
- кино герои;
- литературные герои;
- античные философы [60].

Приведенные классификации порождают дополнительные вопросы, касающиеся их логических оснований, установления семантических границ выделяемых различных источников прецедентных феноменов. Однако для нас важно подчеркнуть неоднозначность в понимании и решении рассматриваемой проблемы.

Рассматривая фольклорные смеховые произведения русской культуры, Г.Г. Слышкин (2000) предложил следующую классификацию, основанную на жанровых признаках и учитывающую некоторые иные свойства:

- политические плакаты, лозунги и афоризмы;
- произведения классиков марксизма-ленинизма;
- исторические афоризмы;
- классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию;
- сказки и детские стихи;
- рекламные тексты;
- анекдоты;
- пословицы, загадки, считалки;
- советские песни;
- зарубежные песни [12].

И эта классификация вызывает немало вопросов: почему разнесены по разным рубрикам советские и зарубежные песни и почему выделены в особую группу произведения классиков марксизма-ленинизма, но ничего не сказано о произведениях других классиков.

Несомненный интерес представляют классификации, предложенные А.С. Гавенко (2002), А.А. Евтюгиной (1995) и О.П. Семенец (2004). Нетрудно продолжить и перечень претензий к этим классификациям, но не вызывает сомнений целесообразность подобных исследований, сама перспективность соответствующего подхода к изучению прецедентных феноменов. Можно предположить, что характер каждой из таких классификаций будет во многом зависеть от материала: едва ли созданная на материале устных смеховых текстов (преимущественно анекдотов) классификация Г.Г. Слышкина полностью подойдет для классификации прецедентных феноменов,

зафиксированных в политических или рекламных текстах. Следует, однако, отметить, что при изучении функционирования прецедентных феноменов в политической коммуникации целесообразно ориентироваться на классификации, используемые при анализе аналогичных (то есть политических) текстов. Поэтому в данной работе не могут быть в полной мере использованы рубрики, заимствованные из работ, в которых рассматриваются материалы разговорной или художественной речи.

В настоящем диссертационном исследовании будет использована классификация, в которой учитываются следующие области-источники и сферы-источники прецедентных феноменов:

1. Социальная область, включающая следующие сферы:

- политика;
- экономика;
- образование;
- техника;
- развлечения;
- медицина;
- война;
- криминал;
- спорт.

2. Область искусств, включающая следующие сферы:

- литература;
- театр;
- изобразительные искусства;
- музыка;
- архитектура;
- мифология и фольклор.

1. Область науки, включающая следующие сферы:

- физика;
- математика;
- биология;
- химия;
- история;
- география;
- филология.

Как подчеркивает Е.А. Нахимова, представленный список вовсе не претендует на полноту охвата всех сфер (например, в нем перечислены лишь некоторые направления науки) или точное определение границ между сферами [61].

Таким образом, подробный анализ источников показывает, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику образуют своеобразное поле прецедентных феноменов, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов,

образующих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорических моделей, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

2.2 «Концепция адресата» в современных лингвистических исследованиях

Триада «Автор – Текст – Читатель» представляет собой огромное исследовательское поле, в котором акценты могут перемещаться с одного компонента на другой:

- в одних исследованиях превозносится роль Автора – создателя текста, ему приписывается «полная власть» над читателем и его восприятием;
- в других – Текст наделяется свойствами «самостоятельного интеллектуального образования, играющего активную и независимую роль в диалоге с читателем;
- либо Читатель объявляется главной фигурой в интерпретативном процессе, становясь равноправным сотворцом Текста.

В концепции текста как семиотической системы Ю.М. Лотман анализирует проблему взаимодействия с адресатом. «Взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория – «своего» текста» [62, с. 87].

В другой работе, также посвященной семиотике текста, Ю.М. Лотман подчеркивает еще один важный аспект: «... всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории, и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом. Этот последний навязывается сознанию аудитории и становится нормой ее собственного представления о себе, переносясь из области текста в сферу реального поведения культурного коллектива» [63, с. 169].

Таким образом, в приведенных рассуждениях Ю.М. Лотмана выявляются такие важнейшие моменты, как:

- положение о взаимной активности текста и адресата;
- о включенности «образа» адресата в текст и способности этого, «сконструированного» текстом «образа», влиять на реальную аудиторию и ее поведение.

Эти замечания приобретают особую ценность при анализе публицистических текстов (в нашем случае – газетных), важнейшей функцией которых является функция воздействия на читателя.

На сегодняшний день, в эпоху утверждения постмодернистской культурной парадигмы, интерпретативная концепция текста предполагает активное сотворчество адресата, его языкового сознания. Отсюда вытекают главные проблемы, решение которых является первостепенным для лингвистики текста:

- проблема взаимодействия текстуальных стратегий;
- различные типы читателей;
- теория «возможных миров» применительно к анализу фабульных ожиданий читателя;
- понятие «сценария» (или «фрейма» как совокупности определенных культурных клише в сознании читателя);
- идеология читателя и текста и т.д.

Итальянский семиотик, философ, медиевист, писатель Умберто Эко ввел в научный обиход такие исходные понятия, как образцовый читатель и образцовый автор.

Образцовый читатель – «это читатель, запрограммированный текстом, то есть читатель, принимающий правила игры, навязываемые ему текстом. Например, если текст начинается *«Кабы не было зимы...»*, то предполагается, что образцовый читатель уже избран текстом – скорее всего он адресован детям.

По мнению У. Эко, образцовый читатель – это понятие неоднородное, включает два типа таких читателей:

- первого уровня («наивный» образцовый читатель);
- второго – «искушенный читатель».

«Наивный» читатель довольствуется сугубо утилитарными соображениями и обычно его занимает в основном фабула: он лишь хочет знать, чем кончится рассказанная автором история. Для этого ему достаточно прочесть текст один раз. Продолжая метафору «нарративный лес» для обозначения повествовательного текста, У. Эко так представляет интерпретативную деятельность этих двух типов читателей: «наивный» образцовый читатель, входя в нарративный лес, ведет себя как голливудский продюсер при слушании сценария: «переходите к погоне, не тратьте время на психологические детали, мне нужна развязка».

«Искушенный» читатель идет в лес для прогулки: приятно потянуть время, поискать грибы, исследовать мох. Затягивание не означает пустую трату времени [64, с. 50].

Таким образом, приведенные рассуждения о взаимоотношениях автора и читателя приобретают еще большую остроту, когда мы обращаемся к современному публицистическому дискурсу, в котором эти «роли» разыгрываются в разных вариантах, и как эмпирическому автору, так и эмпирическому читателю нужно немало потрудиться, чтобы стать «образцовыми». Ведь современный медиа-текст построен, как правило, с использованием множества различных кодов, для дешифровки которых читатель должен достаточно свободно ориентироваться в интертекстуальном пространстве, а автор-публицист обязан представлять себе «образ» читателя, на которого нацелен его текст.

2.3 Прецедентные тексты в обыденном языковом сознании русскоязычных казахстанцев

Одним из способов изучения и моделирования «образа читателя» является анализ прецедентных текстов, содержащихся в вербальной памяти носителей русского языка, для чего необходимо решить несколько ключевых задач:

- определить «корпус» прецедентных текстов, который содержится в вербальной памяти русскоязычного казахстанца и отражает его готовность к рецепции и интерпретации публицистических произведений, включающих этот тип текстов;
- проанализировать полученный список прецедентных текстов с точки зрения их происхождения, хранения в вербальной памяти и включения в обыденный дискурс;
- выявить виды трансформаций, которым подвергаются прецедентные тексты в языковом сознании;
- выявить концептуальное ядро, или концепты прецедентных текстов, которые являются «носителями» смысла и служат основой для дальнейших интертекстуальных манипуляций, а также готовности к языковой игре;
- как в прецедентных текстах отражается мотивационный уровень читателя как языковой личности, и какое участие они принимают в ценностных установках среднего русского?

Итак, первый «блок» интересующих нас проблем связан с тем корпусом прецедентных текстов, который нашел отражение в ассоциативно-вербальной сети (обыденном языковом сознании) казахстанцев.

Чтобы выявить этот список, нами была проделана следующая работа: были выбраны стимулы и реакции, в которых представлены прецедентные тексты, составляющие часть языковой способности и готовые включиться в дискурс индивида, «запустить аллюзивный механизм» и «вступить в игру», например, в ассоциативном поле слова-стимула *господин* встретились такие реакции, содержащие отсылки на хрестоматийные произведения:

- Головлев («Господа Головлевы» М.Е. Салтыков-Щедрин);
- Хлестаков («Ревизор» Н.В. Гоголь);
- Чацкий («Горе от ума» А.С. Грибоедов).

Все три пары ассоциатов включают в себя отсылки к хрестоматийным произведениям русской классической литературы. Однако это не значит, что на этом основании их можно автоматически причислить к прецедентным текстам. Ведь прецедентным текст может стать только в дискурсе языковой личности, превратившись в культурный знак, способный выполнять номинативную функцию. Приведенные примеры отражают общий апперцептивный фон (фонд культурной грамотности) казахстанцев, родившихся в советский период.

Слово-стимул *вальс* вызвало в качестве ассоциатов такие лексические единицы:

- *вальс – бостон*;
- *вальс – Н. Ростовый*;
- *вальс – венский*;
- *вальс – осенний сон*;

- *вальс – Амурские волны*;
- *вальс – Штрауса*;
- *вальс – школьный*.

Две ассоциативные пары: *вальс – бостон* и *вальс – осенний сон* могут интерпретироваться как реакция на популярную песню из репертуара Александра Розенбаума «Вальс бостон», в котором есть и слова «осенний сон».

Что касается ассоциатов *вальс – Н. Ростовой*, то тут налицо «опосредованная» ассоциация с именованьем «первый бал Наташи Ростовой», а популярная в 50-60-х годах песня на музыку И. Дунаевского «Школьный вальс» породила следующую ассоциативную пару *вальс – школьный*. Некоторые слова этой песни стали прецедентными текстами: «*учительница первая моя*»; «*давно, друзья веселые, простились мы со школою*».

Вальс – Амурские волны и *вальс – Штрауса* – названия популярных вальсов, и их можно отнести к разряду общего культурного фонда русской языковой личности.

Таким образом, ассоциативно-вербальная сеть языковой личности «пронизана» прецедентными текстами, отражающими ее когнитивный и мотивационный уровни и готовыми «вступить в игру» в том или ином типе дискурса.

2.4 Прецедентный характер газетного заголовка

Слово «газетность» отсутствует в толковых словарях современного русского языка. Но оно употребляется учеными-лингвистами для определения языка и стиля газеты. Это определенные способы создания публицистичности, экспрессивности газетной речи, обусловленное назначением газеты как средства массовой коммуникации [65, с. 85].

Отличительные черты газетности:

- информативно насыщенный, предельно сжатый текст;
- тщательный отбор фактов и их социальная *megaline* типизация, предполагающая оценочный подход;
- воздействующая роль газетного слова;
- преодоление стереотипа, заключающееся в выработке особых форм выражения экспрессии.

Г.Я. Солганик также отмечает в качестве отличительных черт языка газеты социальную оценочность, коммуникативную общезначимость, особый характер экспрессивности [66, с. 34].

Язык газеты, по замечанию В.Г. Костомарова, – это сочетание и чередование элементов стандарта и экспрессии [67, с. 104]. Стандартный элемент таких чередований обеспечить несоизмеримо легче, чем экспрессивный. Стандарты готовы, и остается их лишь познать и воспроизвести. Экспрессия же мыслится как нечто противопоставленное стандарту, маркированное, пусть и в самом широком и неопределенном виде, а не только индивидуально-неповторимое.

Используя определения С.И. Сметаниной, можно сказать, что стандарт – это немаркированные языковые единицы, они существуют в готовой форме, легко переносятся из текста в текст, однозначно воспринимаются; экспрессия же – это маркированные элементы высказывания, отмеченные авторским отношением к содержанию высказывания, авторской оценкой [68, с. 46].

Экспрессия как результат стремления говорящего найти новые способы самовыражения является одной из движущих сил языкового развития. Она, выполняя эволюционные функции, заставляет язык разрушать языковые стереотипы. Стандарт же, напротив, предстает в качестве тенденции к устойчивости, стабильности, является проявлением консервативного, сдерживающего начала.

Таким образом, «центробежность» экспрессии и «центростремительность» стандарта – два фактора, предопределяющие создание условий для постоянного равновесия и обновления языка прессы.

Конфликт и единство экспрессии и стандарта – конструктивный принцип газетного текста: экспрессивно наполненная языковая единица быстро обретает популярность, плата за которую – стандартизация. С.И. Сметанина, по этому поводу отмечает: «Язык, как всякая динамическая система, «переводит» повторяющиеся, часто тиражируемые экспрессы в разряд стандартных средств» [68, с. 46].

Чередование стандарта и экспрессии, обеспечивающее осуществление комплексной задачи информирования и воздействия, – функция части сложной системы, какой является в целом публицистический стиль. Данное положение можно проиллюстрировать следующей схемой:

информационная функция — стандарт / экспрессия — воздействующая функция

Одним из источников экспрессии газетного текста является экспрессия газетных заголовков.

Г.О. Винокур отмечал, что если есть в газетной речи творчество, то именно в поиске, созидании экспрессии и приемах ее противопоставления стандарту [69, с. 28].

Создавая экспрессивный эффект, можно легко обходиться общим указанием, условным знаком, чисто внешним признаком. В частности, для создания экспрессии можно использовать возможности фразеологии. Газетный текст – это своеобразное явление, которое стоит несколько особняком в ряду других видов текстов. Даже на поверхностный взгляд специфика языка газеты совершенно очевидна. Она связана с тем, что в газете есть особые речевые образования – заголовки, подзаголовки, рубрики. Таким образом, газетный текст является специфическим типом текста, занимающим особое место в сложной иерархической системе текста. При этом заголовок – это обязательная структурно-композиционная категория любого газетного текста. Он несет на себе важнейшую коммуникативную нагрузку.

В словаре В. Даля о заглавии сказано, что это «выходной лист, первый лист книги или сочинения, где означено название какого-нибудь произведения или отдела его частей» [70]. Как заглавие литературного произведения

трактуются заголовок и в БСЭ. «Заголовок, – говорится в ней, – название литературного произведения, в той или иной степени раскрывающее его содержание» [71, с. 271]. «Десяток – другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть заглавием... Заглавие – словосочетание, выдаваемое автором за главное... Если автору удастся найти оригинальное, броское название, способное мгновенно приковать к себе внимание читателя, успех статьи или книги уже обеспечен» [72, с. 5-7]. Безусловно, приведенные определения верны и для газетного заголовка, так как он является частью общего понятия «заглавие». Но газетный заголовок имеет свою специфику. Он живет на газетной странице, следовательно, отражает характерные особенности газеты: ее оперативность, публицистичность, жанровую палитру.

В газете подбор заголовков имеет свои особенности и сложности. Журналисты незамедлительно откликаются на текущие события. Им приходится каждодневно изобретать, придумывать все новые и новые названия. Ведь для каждого номера газеты нужно подобрать несколько десятков заголовков [72, с. 17].

Заголовок – это своеобразный элемент текста, имеющий двойную природу (см. Э.А. Лазарева). С одной стороны, это языковая структура, предваряющая текст, стоящая «над» ним и перед ним. Поэтому заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определенную самостоятельность. С другой стороны, заголовок – полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного текста (началом, серединой, концовкой), вместе с которыми он составляет архитектуру текста. Эта «двойственная природа заголовка» и определяет многие его особенности.

Двойственная природа заголовка, о которой было сказано ранее, видимо, определила то обстоятельство, что в литературе, посвященной газетным заголовкам, последние рассматриваются в основном с точки зрения двух аспектов: структурного и психологического.

В рамках структурного аспекта газетный заголовок представлен как структурный элемент статьи, публицистического текста, характеризующегося определенной цельностью и взаимодействием компонентов. С этой точки зрения газетный заголовок рассматривается в различных учебных пособиях по журналистике. Также анализу данной проблемы посвящены работы А. Бессоновой, З.Д. Блисковского, О.И. Богословской, И.И. Чилигиной, Д. Георгиева, А.П. Горбунова, А.С. Дубовой и др.

В этой связи следует подчеркнуть важность соотношения заголовка и соответствующей статьи. «Заголовок стоит над текстом, отделен от него отдельным пространством, это позволяет ему функционировать в качестве самостоятельной речевой единицы» [73, с. 34]. З.Д. Бликовский отмечал: «Заглавие – не реклама, а само произведение... Выдавать авторский замысел с самого начала тоже нельзя. От страницы к странице заглавие должно наполняться смыслом и значением, развиваться вместе с сюжетом. Простые слова заглавия под конец чтения должны наполняться смыслом...» [72, с. 7].

Заголовок газеты, являясь структурным компонентом статьи, выполняет автономные функции (их заголовок выполняет до текста, как самостоятельная

единица): например, функция изображения авторского отношения к предмету речи и условиям общения [73, с. 4]. Однако следует отметить, что с данной позиции (заголовок как структурный элемент статьи, репрезентант текста публикации) в большей мере интересует журналистов – специалистов по созданию газетных заголовков.

Заголовок выполняет и так называемые обусловленные функции (заголовок при этом выступает в связи с текстом): например, функцию изображения авторского отношения к тексту и тональности текста [73, с. 4]. Главной с этой точки зрения является такая функция газетного заголовка, как функция привлечения внимания к статье, а следовательно, в центре исследования будут находиться приемы привлечения читательского внимания. Так, А.С. Подчасова говорит о стремлении «любой ценой потрясти воображение современного читателя» [74, с. 52]. Большое внимание проблеме эффективности газетных заголовков с точки зрения выполнения ими функции привлечения внимания к статье уделяет в своих работах Э.А. Лазарева.

Заголовок – неотъемлемая часть газетной публицистики. Первое, с чем сталкивается читатель газеты, – это названия публикаций. Читатель, просматривая газетную полосу, по заголовкам ориентируется в ее содержании. Заголовок является, таким образом, первым сигналом, побуждающим к чтению того или иного материала [73, с. 3].

Иными словами, газетный заголовок решает проблему привлечения внимания к статье и ко всей газете в целом. Данная проблема стала особенно актуальна для каждого журналиста в последнее десятилетие – время борьбы за рынок информации и глобальных изменений на рынке печатной продукции. В связи с этим постоянно изменяется информационная концепция старых и появившихся недавно изданий, в движении находится и язык журналистов.

В развитии языка современной публицистики можно условно выделить две противоположные тенденции: с одной стороны, его заметное опрощение, а, с другой стороны, усложнение лексики и содержания публикаций, появление новых приемов в преподнесении информации и создании заголовков публикаций. К таким приемам относится использование прецедентных текстов при создании газетных заголовков.

В литературе о газетных заголовках справедливо подчеркивается, что работа над ними – процесс творческий (А. И. Кулаков, Э.А. Лазарева, В.М. Ронгинский и пр.). Часто заголовками газетных статей становятся меткие выражения писателей, можно привести безграничное число песенных строк – потенциальных заголовков, устойчивые обороты и словосочетания, способствующие повышению выразительности заголовков. Одно обращение к таким фразам вызывает определенные ассоциации, эмоции, чувства.

Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании публицистического произведения. В то же время заглавия газетной полосы имеют эмоциональную окраску, возбуждают читательский интерес, привлекают внимание. Исследования показывают, что примерно 80% читателей уделяют внимание только заголовкам.

В.П. Дроздовский отмечает, что если в газетно-публицистическом тексте с точки зрения воздействия на читателя можно выделить взаимосвязанные между

собой уровень внимания, уровень соучастия и уровень открытия, то с заголовочным комплексом связан, прежде всего, уровень внимания [75, с. 65]. С его помощью достигается направленное и сосредоточенное вовлечение читателя в художественное повествование, возбуждение, как говорят психологи, временного или ситуационного интереса.

Важность заголовка в плане воздействия на читателя определяется тем, что он занимает коммуникативно сильную позицию. Все сказанное объясняет интерес к изучению заголовка в лингвистической науке. Исследования проблемы заголовка ведутся во многих направлениях. Наиболее полно разработан вопрос о выразительности газетного заголовка как самостоятельной языковой единицы в работах таких ученых – лингвистов, как А.Н. Кулаков, М. Л. Корытная, Л.И. Житенева, Н.А. Егорьев, Н.Е. Бахарев, А. Бессонова, Э.А. Лазарева и др. С некоторыми вариациями авторы выделяют следующие основные функции заголовков: номинативную, информативную, рекламную, экспрессивную, графически-выделительную [76, с. 3]. Подробно освещены способы привлечения читательского внимания с помощью заголовков в работах В.Г. Костомарова, В.П. Дроздовского, О.И. Богословской, Н.Р. Махневой, М.А. Бобунова, И.И. Чилигиной.

Таким образом, заголовок – это шаг автора навстречу получателю, и если автор его не сделал, читатель в большинстве случаев сам озаглавливает чужой текст (типичный пример – поэтические тексты, озаглавленные по первой строке).

В своей интертекстуальной функции заголовок служит для ориентации во множестве текстов. В свою очередь, множество заголовков предназначено для употребления отдельно от своих текстов (в оглавлениях, библиотечных каталогах, библиографических указателях, различного рода справочниках, списках, объявлениях). Одни из них способствуют созданию читательской проекции текста, другие, выраженные, например, именами собственными, не являющимися «культурными символами», – нет. Поэтому заголовок с позиции получателя, незнакомого с текстом, должен быть отнесен к индексальным знакам, который указывает на текст (референт), но не характеризует его.

Заголовок – это текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение, представляет собой сильную позицию любого текста.

Как знак заголовок проявляет семантическую и семиотическую нестабильность:

- принадлежит тексту и предназначен к функционированию вне текста (Н. А. Веселова);
- представляет текст и одновременно замыкает его;
- по своему содержанию «стремится к тексту как к пределу», а по форме – к слову» (Н. А. Фатеева);
- проспективно выполняет по отношению к целому тексту тематическую функцию (номинация), ретроспективно-ремагическую (предикация) (И. Р. Гальперин);
- именуется текст, отсылая к нему, и вместе с тем является семантической сверткой всего текста (С. Кржижановский) и т.д.

2.5 Организация и методика проведения эксперимента

Основоположником современной экспериментальной лингвистики справедливо считают академика Л.В. Щербу, который еще в первой половине прошлого века обосновал теоретическую и практическую значимость лингвистического эксперимента [77, с. 167].

Общая цель любого научного эксперимента, в том числе психолингвистического, состоит в том, чтобы искусственно вызвать подлежащее изучению явление и, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно познать его [78].

Специфика поставленных в диссертации задач предопределила специальную методику экспериментальной работы. Нами учитывались факторы, влияющие на языковую компетентность и глубину понимания текста: возраст, образование, специальность, национальность, место проживания и место рождения (социумные факторы).

Основные параметры подготовки и проведения экспериментальной работы по определению реального уровня понимания прецедентных текстов различными информантами:

1 Отбор испытуемых

В качестве первой экспериментальной группы информантов были использованы учителя Гагаринской средней школы г. Аксу. Мы заранее предполагали, что эти преподаватели хорошо знакомы с художественными прототекстами, соответственно легко сориентируются в предложенной им экспериментальной обстановке.

В качестве второй экспериментальной группы информантов стали работники Аксуской ГРЭС. Можно было априорно предположить, что респонденты разделятся на две группы: а) хорошо знающие сферу-источник большинства соответствующих прецедентных текстов (то есть литературу); 2) не знающие тексты-доноры.

Экспериментальная работа с указанными информантами проводилась в течение полугода (с октября 2011 г. по март 2012 г.).

Для участия в эксперименте было отобрано 60 респондентов (по 30 испытуемых каждой из обозначенных групп). Представляется, что такое количество респондентов позволяет получить достаточно объективные данные и в целом соответствует традиции. Количественное соотношение информантов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количественное соотношение информантов

Информанты	Возраст информантов	Родной язык:		Пол:		Место проживания	Сфера профессиональных интересов:	
		каз	рус	му ж	жен		гуманит	другие
работники Аксуской ГРЭС	От 25 до 60 лет	25	35	8	22	г. Аксу		
учителя	От 23 до 60			2	28	с. Евгеньевка	12	38

Значимые факторы социопсихолингвистического эксперимента:

- **социальное положение** – педагоги, инженеры, рабочие. Следовательно, выводы, которые сделаны по итогам данного исследования, относятся только к педагогам средней школы и работникам энергетического предприятия;
- **возраст** информантов 1 группы составил 25-60 лет, возраст второй группы – от 23 до 60 лет. Следовательно, выводы, которые сделаны по итогам данного исследования, разнятся, так как возрастной фактор влияет на восприятие прецедентных текстов;
- **гражданство и родной язык.** Все информанты – это граждане Республики Казахстан, говорящие на русском языке и заявившие до начала тестирования, что для них родным является именно русский язык – 25 человек, а для 35 – казахский;
- **гендерная характеристика.** Среди педагогов было 28 женщин и 2 мужчин, а среди работников ГРЭС 22 женщин и 8 мужчин. Мы не ставили себе целью подобрать равное соотношение представителей мужского и женского полов, поэтому специального гендерного распределения ответов не проводилось, так как гендерная характеристика понимания прецедентных феноменов (что само по себе очень интересно) не входила в число задач исследования;
- **место проживания.** Во время проведения эксперимента все испытуемые проживали в г. Аксу и в с. Евгеньевка, поэтому эти данные не систематизировались, так как подобная характеристика не входила в задачи исследования.
- **сфера профессиональных интересов.** Этот критерий был важен для обеих групп, так как из 30 учителей только 12 были преподавателями гуманитарных дисциплин, а из 30 работников Аксуской ГРЭС – 8 человек получило базовое гуманитарное образование.

2 Планирование и проведение экспериментальной работы

Общий план исследования и определяемое им конкретное содержание тестов были подготовлены автором научного проекта при участии научного руководителя с учетом существующих традиций социо-психолингвистических исследований (А.А. Залевская, Л.В. Сахарный, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева и др.).

Задачей данного этапа исследования было экспериментальное определение того, насколько читатели (в данном случае – работники промышленного предприятия, педагоги средней школы) способны понять информацию, которые несут прецедентные тексты. Мы понимаем, что материалы, полученные при наблюдениях над ограниченным контингентом учащихся, не дают полного представления обо всех читателях, но даже эти данные достаточно интересны, они дают хотя бы приблизительные представления о характере восприятия читателями соответствующих прецедентных текстов.

3 Подготовка материалов для проведения тестирования

При подборе материала, формулировке задания, определении участников и проведении эксперимента мы постарались учесть рекомендации и опыт Л.П. Крысина, Л.В. Сахарного, Ю.А. Сорокина, Р.М. Фрумкиной и других известных специалистов по психолингвистике и социо- и психолингвистике.

В качестве источника прецедентных феноменов были использованы крылатые слова из русской литературы и истории.

Всего методом сплошной выборки для проведения эксперимента было отобрано 352 текста, зафиксированного в дополнительном иллюстративном томе толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля [79].

1.6 Система тестов и основные этапы экспериментальной работы

1. На первом этапе эксперимента необходимо было определить, какие именно прецедентные тексты воспринимаются испытуемыми в качестве знакомых. Для этого была использована методика выделения известных элементов в общем списке. В процессе экспериментальной работы учащимся и преподавателям предлагались списки прецедентных текстов, давалось задание подчеркнуть (или обозначить «крестиком», «галочкой») в соответствующем списке знакомые информанту тексты и высказывания, назвать источник, автора текста.

Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! (А.С. Пушкин. «Письмо П.А. Вяземскому»);

А счастье было так возможно, так близко! (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»);

Ах, злые языки страшнее пистолета. (А.С. Грибоедов. «Горе от ума»);

Борзыми щенками брать. (Н.В. Гоголь «Ревизор»);

Все пройдет, как с белых яблонь дым. (С.А. Есенин «Не жалею, не зову, не плачу...»);

Все смешалось в доме Облонских. (Л.Н. Толстой. «Анна Каренина»);

Все флаги в гости будут к нам. (А.С. Пушкин. «Медный всадник»);

Дама приятная во всех отношениях. (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»);

К нему не зарастет народная тропа (А.С. Пушкин «Памятник»);

Я помню чудное мгновенье. (А.С. Пушкин. «К***»).

Таблица 2 - Результаты данного этапа эксперимента:

Прецедентные тексты	1 группа	2 группа
---------------------	----------	----------

	знакомы	знают источник ПТ	знают источник ПТ и автора	знакомы	знают источник ПТ	знают источник ПТ и автора
Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!	15	10	5	15	5	15
А счастье было так возможно, так близко	7	5	-	9	9	5
Ах, злые языки страшнее пистолета.	5	5	2	7	13	10
Борзыми щенками брать.	-	-	-	10	5	10
Все пройдет, как с белых яблонь дым.	8	7	3	12	8	10
Все смешалось в доме Облонских.	12	10	8	5	15	10
Все флаги в гости будут к нам.	3	4	2	5	10	10
Дама приятная во всех отношениях.	2	2	-	4	5	7
К нему не зарастет народная тропа	5	17	8	2	15	13
Я помню чудное мгновенье.	6	14	10	3	12	15

1 группа респондентов (работники Аксуской ГРЭС):

– 100% с заданием не справился ни один испытуемый.

2 группа респондентов (учителя):

– 100% с заданием справились – 10 испытуемых.

При подборе материала учитывалась рекомендация использовать в процессе эксперимента тесты, в которых представлены материалы разной степени сложности. В связи с этим ставилась задача, чтобы абсолютное большинство информантов было в состоянии обнаружить в списке, с одной стороны, хотя бы некоторые известные им прецедентные тексты, а с другой – такие прецедентные тексты, которые представляют значительные сложности для осознания их в качестве знакомых.

Испытуемым предлагалось выделить знакомые прецедентные высказывания из приведенного перечня, определить источники прецедентности, относящиеся к сфере литературы, кино. В связи с этим информанты должны были объяснить, из каких текстов-источников заимствованы прецедентные имена, названия, ситуации и фразы, которые воспринимаются как ранее известные.

А в тюрьме сейчас ужин. Макароны. («Джентльмены удачи»);

А ты меня за руку ловил, волчина позорный, чтоб про мои дела на людях рассуждать?! («Место встречи изменить нельзя»);

Белые пришли – грабют, красные пришли – грабют. Ну, куда крестьянину податься? («Чапаев»);

Восток – дело тонкое. («Белое солнце пустыни»);

Жениться нужно на сироте! («Берегись автомобиля»);

Ирония судьбы, или С легким паром! (Название фильма);

Лед тронулся, господа присяжные заседатели! («Двенадцать стульев»);

Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны. («Истребители»);

Призрачно все в этом мире бушующем, есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь... А для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг... Чем дорожу, чем рискую на свете я?.. Мигом одним, только мигом одним. («Земля Санникова»);

Трудно стало работать. Столько развелось идиотов, говорящих правильные слова! («Семнадцать мгновений весны»). Результаты данного этапа эксперимента представлены

Таблица 3 - Результаты данного этапа эксперимента

Прецедентные тексты	1 группа		2 группа	
	знакомы	знают источник ПТ	знакомы	знают источник ПТ
А в тюрьме сейчас ужин. Макароны.	10	20	15	15
А ты меня за руку ловил, волчина позорный, чтоб про мои дела на людях рассуждать?!	7	10	10	15
Белые пришли - грабют, красные пришли - грабют. Ну, куда крестьянину податься?	5	6	7	12
Восток - дело тонкое.	20	10	10	20
Жениться нужно на сироте!	7	8	12	15
Ирония судьбы, или С легким паром!	10	20	10	20
Лед тронулся, господа присяжные заседатели!	5	2	7	12
Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны.	4	3	10	11

Продолжение таблицы 3

Призрачно все в этом мире бушующем, есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь... А для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг... Чем дорожу, чем рискую на свете я?.. Мигом одним, только мигом одним.	10	7	8	22
--	----	---	---	----

Трудно стало работать. Столько развелось идиотов, говорящих правильные слова!	6	2	8	12
---	---	---	---	----

При подведении итогов учитывалось, что некоторые информанты просто отметят соответствующий фрагмент как знакомый, но не смогут его паспортизировать (указать название и автора прототекста), а некоторые читатели вообще не заметят элементов интертекстуальности.

Таким образом, изучение результатов анкетирования помогает, во-первых, отчетливее понять, какая часть читателей осознает, что в тексте использован прецедентный феномен, а во-вторых, оценить, насколько полно читатели воспринимают явление прецедентности.

Обозначенная проблема в научном исследовании является перспективной, требует дальнейших психолингвистических экспериментов.

На следующем этапе экспериментальной работы мы планируем, во-первых, выяснить, определить, в какой мере читатели замечают в тексте прецедентные феномены, во-вторых, выявить, в какой мере связность текста облегчает испытуемым восприятие прецедентных феноменов, а в-третьих, определить специфику восприятия респондентов различных категорий отдельных прецедентных феноменов.

2.7. Тест как способ характеристики когнитивной базы языковой личности

В несколько взаимосвязанных этапов проводилась экспериментальная работа с респондентами, в частности, с учителями Гагаринской средней школы г. Аксу, на каждом из которых использовались особые виды тестов, что имело целью выявить различные характеристики когнитивной базы, относящейся к сфере прецедентных феноменов. Рассмотрим конкретные виды тестов и задачи, которые решались при работе с ними:

1. На первом этапе эксперимента необходимо было определить, какие именно прецедентные феномены (имена, названия и события) воспринимаются преподавателями в качестве знакомых, для чего была использована методика выделения известных элементов в общем списке.

Преподавателям предлагались списки прецедентных феноменов и давалось задание подчеркнуть (или обозначить «крестиком», «галочкой») в соответствующем списке знакомые информанту имена, события, тексты и высказывания.

Материал тестовых заданий подбирался с учетом разной степени сложности, следовательно, ставилась задача, чтобы абсолютное большинство информантов было в состоянии обнаружить в списке, с одной стороны, хотя бы некоторые известные им прецедентные феномены, а с другой – такие прецедентные феномены, которые представляют значительные сложности для осознания их в качестве знакомых. Подбор фамилий и названий произведений, носящий прецедентный характер, осуществлялся по принципу их использования в рассмотренных нами публицистических текстах.

Тестовые задания

Тест 1.1. Задание: отметьте в данном списке «крестиком» знакомые вам имена

1. Абай Кунанбаев
2. Естай Беркимбаев
3. Мухтар Шаханов
4. Сергей Есенин
5. Павел Васильев
6. Майра Шамсутдинова
7. Михаил Кутузов
8. Козьма Минин
9. Емельян Пугачев
10. Амангельды Иманов

Заданием второго теста стали различные виды названий и событий, имеющих важное значение для истории и культуры Казахстана.

Тест 1.2. Задание: отметьте в данном списке «крестиком» знакомые вам названия и события

1. Медео
2. Отрар
3. Куликово поле
4. Смутное время
5. Аустерлиц
6. Ледовое побоище
7. Кровавое воскресенье
8. Брестский мир
9. Брестская крепость
10. Петропавловская крепость

При подведении итогов указанной работы следует учитывать, что сам факт указания информантом того или иного прецедентного феномена в качестве известного еще не означает, что преподаватель действительно в состоянии понять смысл соответствующего интертекста. При этом одни информанты могут ошибаться, другие респонденты оказываются не до конца искренними. Соответствующая информация может быть получена на следующих этапах исследования. Вместе с тем значительный интерес представляют и сведения о том, какие именно прецедентные имена и фамилии преподаватели воспринимают в качестве знакомых. Значительный интерес может представлять и количественное сопоставление данных о степени знакомства учителей с прецедентными именами и прецедентными названиями.

2. На втором этапе эксперимента при работе с литературными прецедентными феноменами учителя получали следующее задание:

2.1. Назовите авторов и произведения, героями которых были:

1. Абай Кунанбаев
2. Владимир Ленский
3. Аркадий Кирсанов
4. Павел Чичиков
5. Соня Мармеладова
6. Андрей Болконский

7. Полиграф Шариков
8. Павел Власов
9. Павел Корчагин
10. Олег Кошевой

2.2. Назовите сферу деятельности (политическая, военная, юридическая, революционная и др.) следующих людей и причины их широкой известности:

1. Динмухамед Кунаев
2. Иван Панфилов
3. Степан Разин
4. Емельян Пугачев
5. Георгий Жуков
6. Михаил Горбачев
7. Талгат Бегельдинов
8. Канаш Камзин
9. Маншук Маметова
10. Алия Молдагулова

Сопоставление имеющихся в когнитивной базе учителей прецедентных феноменов, относящихся к сфере литературы, с прецедентными феноменами, относящимися к социально-политической сфере, позволяет сделать вывод о том, насколько профессиональные интересы учителей (соответственно литература и политика) влияют на степень знакомства их с прецедентными феноменами.

Заполнение анкет не ограничивалось определенным количеством времени, но опыт показал, что для этого обычно требуется не более 30 минут.

Мы старались создать в аудитории доброжелательную атмосферу при заполнении анкет, для чего было объяснено учителям, что не требуется указания точных анкетных данных, что выполнение задания может носить анонимный характер. Этот факт сыграл важную роль при выполнении задания учителями – были сняты психологические барьеры. Вместе с тем мы стремились к тому, чтобы учителя серьезно и добросовестно отнеслись к выполнению полученных заданий.

Такой подход к организации и проведению экспериментальной работы способствовал получению данных, отвечающих требованиям достоверности, устойчивости и репрезентативности.

Обработка результатов тестирования проводилась в закрытой обстановке, без возможности открыто наблюдать за процессом проверки данных эксперимента.

Итоги эксперимента

Задание – *отметьте в данном списке «крестиком» знакомые вам имена* – решено следующим образом:

1. Абай Кунанбаев – 30 = 100%;
2. Естай Беркимбаев – 24 = 80%;
3. Мухтар Шаханов – 15 = 50%;
4. Сергей Есенин - 30 = 100%;
5. Павел Васильев – 21 = 70%;
6. Майра Шамсутдинова – 12 = 40%;

7. Михаил Кутузов – 15= 50%;
8. Козьма Минин – 1=3%
9. Емельян Пугачев – 30=100%
10. Амангельды Иманов – 10=33%

Среднее количество указаний на известность соответствующих прецедентных имен для учителей составило 62,6%.

Интерпретация полученных данных позволяет сделать вполне ожидаемый вывод о том, что учителя относительно хорошо знакомы с именами писателей (некоторым исключением оказалась Майра Шамсутдинова, которую многие знают только по имени). Абсолютное большинство респондентов указали в качестве знакомых также имена предводителя крестьянского восстания Емельяна Пугачева, имя великого казахского поэта Абая Кунанбаева, поэта, нашего земляка Павла Васильева. Меньше других учителям знакомо имя Козьмы Минина – организатора ополчения, освободившего Москву от польских интервентов.

Данные **второго** тестового задания дали следующие результаты:

Вполне закономерно, что учителя заметно хуже знают прецедентные имена из общественно-политической сферы. Особенно мало учителям знакомы прецедентные названия Смутное время, Ледовое побоище. Этот факт объясняется тем, что многие преподаватели окончили университеты уже суверенного Казахстана, когда программы вузовского обучения сменились, многие исторические факты не упоминаются в современных учебных изданиях. Еще одно объяснение полученным результатам – многие из учителей родились и выросли в Монголии, соответственно, они не знают ни русскую, ни советскую историю.

В целом можно сделать вывод, что учителя знают прецедентные названия значительно хуже, чем прецедентные имена: соответствующие показатели 47,8% и 62,6%.

На вопрос: *прецедентные имена и названия, которые известны студентам*, были получены следующие результаты.

Рассмотрим степень знакомства учителей с различными группами прецедентных феноменов.

В процессе выполнения **первого** задания учителя показали следующие знания прецедентных имен, относящихся к сфере литературы:

Тест 2.1. Назовите авторов и произведения, героями которого были:

1. Абай Кунанбаев
2. Владимир Ленский
3. Аркадий Кирсанов
4. Павел Чичиков
5. Соня Мармеладова
6. Андрей Болконский
7. Полиграф Шариков
8. Павел Власов
9. Павел Корчагин
10. Олег Кошевой
1. Абай Кунанбаев

Правильные полные ответы (Ауэзов, «Путь Абая») – 16; правильные неполные ответы (Ауэзов) – 4; правильные неполные ответы («Путь Абая») – 3; нет ответов – 3; неверные ответы – 4.

1. Владимир Ленский

Правильные полные ответы (Пушкин, «Евгений Онегин») – 11; правильные неполные ответы (Пушкин) – 2; правильные неполные ответы («Евгений Онегин») – 1; нет ответов – 16.

3. Аркадий Кирсанов

Правильные полные ответы (Тургенев, «Отцы и дети») – 12; правильные неполные ответы (Тургенев) – 3; правильные неполные ответы («Отцы и дети») – 2; Нет ответов – 13.

4. Павел Чичиков

Правильные полные ответы (Гоголь, «Мертвые души») – 11; правильные неполные ответы (Гоголь) – 1; правильные неполные ответы («Мертвые души») – 2; Нет ответов – 11; Неверные ответы – 5.

5. Соня Мармеладова

Правильные полные ответы (Достоевский, «Преступление и наказание») – 6; правильные неполные ответы (Достоевский) – 2; правильные неполные ответы («Преступление и наказание») – 1; нет ответов – 11; неверные ответы – 10.

6. Андрей Болконский

Правильные полные ответы (Толстой, «Война и мир») – 10; правильные неполные ответы (Толстой) – 2; правильные неполные ответы («Война и мир») – 1; нет ответов – 11; неверные ответы – 6.

7. Полиграф Шариков

Правильные полные ответы (Булгаков, «Собачье сердце») – 12; правильные неполные ответы (Булгаков) – 1; правильные неполные ответы («Собачье сердце») – 2; нет ответов – 13; неверные ответы – 2.

8. Павел Власов

Правильные полные ответы (Горький, «Мать») – 9; правильные неполные ответы (Горький) – 1; правильные неполные ответы («Мать») – 2; нет ответов – 13; неверные ответы – 5.

1. Павел Корчагин

Правильные полные ответы (Островский, «Как закалялась сталь») – 10; правильные неполные ответы (Островский) – 4; правильные неполные ответы («Как закалялась сталь») – 3; нет ответов – 11; неверные ответы – 2.

10. Олег Кошевой

Правильные полные ответы (Фадеев, «Молодая гвардия») – 9; правильные неполные ответы (Фадеев) – 4; правильные неполные ответы («Молодая гвардия») – 3; нет ответов – 11; неверные ответы – 3.

При проверке эрудиции учителей в социально-политической сфере были получены следующие ответы.

Тест 2.2. *Назовите сферу деятельности (политическая, военная, юридическая, революционная и др.) следующих людей и причины их широкой известности:*

1. Динмухамед Кунаев

2. Иван Панфилов
3. Степан Разин
4. Емельян Пугачев
5. Георгий Жуков
6. Михаил Горбачев
7. Талгат Бегельдинов
8. Канаш Камзин
9. Маншук Маметова
10. Алия Молдагулова

Письменные ответы на поставленные вопросы выявили следующее: всем хорошо известны политических деятелей современности Динмухамеда Кунаева, Михаила Горбачева. Причем лучше знают Михаила Горбачева, чем Динмухамеда Кунаева. Этот факт объясним тем, что прошло достаточно времени (двадцати пяти лет) с ухода с политической арены Динмухамеда Кунаева, а Михаил Горбачев продолжает свою политическую деятельность уже на посту руководителя фонда. Его имя на слуху, особенно в западной прессе, что, несомненно, отразилось на ответах респондентов.

Достаточно хорошо известны имена героев войны Алии Молдагуловой, Маншук Маметовой, но меньше знают о Талгате Бегельдинове, ныне здравствующем. Хорошо знакомо имя Георгия Жукова, чему способствовал художественный фильм «Жуков», показанный по ОРТ.

В целом, можно заключить, что прецедентные имена их сферы общественно-политической жизни достаточно хорошо знакомы респондентам, что объясняется сферой их деятельности – образование.

ВЫВОДЫ

Исследование закономерностей восприятия современными педагогами прецедентных феноменов, относящихся к литературной и социально-политической сферам, позволяет сделать следующие выводы:

1. Разнообразие существующих классификаций прецедентных феноменов отражает реальную сложность проблемы и возможность различных подходов к ее решению. За основу для классификации прецедентных феноменов нередко берут такие признаки, как функциональный стиль, отечественное или зарубежное происхождение текста, его прозаический или поэтический характер, характер адресата или автора. При обобщенном анализе источников прецедентных феноменов и с учетом уже существующих классификаций за основу для дальнейшей рубрикации целесообразно взять три основных сферы-источника прецедентных феноменов – «Искусство», «Наука» и «Общество», в составе которых обнаруживается целый ряд субсфер.

2. Прецедентные феномены образуют в индивидуальном и национальном сознании своего рода ментальные поля, для которых характерно разнообразие образующих поле единиц и в тот же время сходство ментальной сферы-источника. При описании того или иного поля прецедентных феноменов должны быть охарактеризованы следующие его существенные признаки:

– исходная понятийная область, то есть сфера-источник для соответствующего ментального поля, в которой можно выделить своего рода подполя, группы и

- иные подобные единицы в составе поля;
- новая понятийная область, то есть сфера-магнит для соответствующего ментального поля; во многих случаях в составе того или иного ментального поля-магнита необходимо выделить подполя, группы и иные подобные единицы;
 - типы прецедентных феноменов, относящихся к данному ментальному полю (прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты);
 - относящиеся к соответствующему полю фреймы, слоты и сценарии, каждый из которых представляет определенную ментальную часть соответствующего поля.

При необходимости это описание может быть дополнено характеристикой продуктивности соответствующего поля и сведениями о частотности составляющих данное поле единиц. Важное значение может иметь также дискурсивная характеристика поля прецедентных феноменов, то есть описание типичных для данного поля концептуальных векторов, прагматических интенций и эмотивных характеристик, дополненное сведениями о взаимосвязи данного поля с другими полями, а также с другими составляющими текста и дискурса.

3. Представление о том, что прецедентные феномены знакомы всем или хотя бы большинству читателей, далеко не соответствует действительности. Даже педагоги смогли дать правильные ответы менее чем на 60% вопросов, относящихся к прецедентным именам из сферы-источника «Литература». Многие современные педагоги, которые получили образования в последние двадцать лет, плохо знают «классику» социалистического реализма, которая в настоящее время не изучается в школе или изучается лишь обзорно («Мать» А.М. Горького, фадеевская «Молодая гвардия» и «Как закалялась сталь» Н.А. Островского).

4. Использованная в настоящем разделе психолингвистическая экспериментальная методика исследования прецедентных феноменов, представленных в когнитивной базе современных студентов, вполне может быть использована (при ее некоторой адаптации) и при изучении закономерностей восприятия прецедентных феноменов группами информантов, относящимися к другим социальным, образовательным, тендерным и иным социумам.

5. Представленные в настоящей главе материалы могут способствовать выработке эффективных рекомендаций по использованию прецедентных феноменов в различных по адресации видах публицистических текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любая коммуникация представляет собой процесс взаимодействия различных культурно детерминированных «говорящих сознаний», что обуславливает порождение коммуникативных неудач, детерминированных принадлежностью коммуникантов различным субкультурам, отнесенностью различным поколениям. Эти неудачи связаны не только с недостаточным владением «кодом» (системой того языка, на котором ведется общение), но и с различиями во внекодовых знаниях коммуникантов, которые находят свое отражение в языке и влияют на речевое поведение.

В когнитивную базу прецедентный текст входит не во всем многообразии своих характеристик, но в минимизированном, редуцированном виде; представление о каждом из подобных феноменов включает в себя весьма ограниченный набор его дифференциальных признаков и присущих ему атрибутов, остальные же отбрасываются как несущественные. Получающееся в результате национально-детерминированное минимизированным

представлением является продуктом специфического для каждой культуры алгоритма минимизации «культурных предметов».

Прецедентный текст занимает свою «нишу» в системе «чужих» слов и в теории интертекстуальности в целом. От других единиц интертекстового пространства прецедентный текст отличается тем, что является единицей языка-способности, а не языка-системы (как крылатые слова, пословицы и поговорки). Все свойства прецедентного текста в полной мере проявляются только в реальном функционировании, в конкретном контексте и конкретной коммуникативной ситуации.

Прецедентный текст, являясь одновременно единицей когнитивного и мотивационного уровней языковой личности, с одной стороны, обозначает некоторые знания о мире, т.е. служит целям номинации, с другой стороны, этот знак участвует в формировании ценностного универсума, и, будучи всегда эмоционально заряженным, служит средством оценки и мотивации тех или иных явлений действительности.

Корпус прецедентных текстов отражает шкалу ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества и парадигму социального поведения членов этого сообщества, что находит отражение в речевой практике последних и в текстах соответствующей культуры. Сказанное определяет то, что без владения такими представлениями весьма затруднительно адекватно участвовать в коммуникации на языке того сообщества, в когнитивную базу которого они входят.

Имея в качестве прототекстов (текстов-источников, текстов-доноров) самые различные культурные тексты (не только литературные!), прецедентные тексты оказываются востребованными для описания и оценки широкого круга проблем, обсуждаемых и отражаемых в современной публицистике – от социально-бытовых до философских.

В число прецедентных могут включаться как невербальные, так и вербальные или вербализуемые феномены. В данной работе мы обращались к исследованию вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к национально-прецедентным, в нашем случае – прецедентным текстам.

Обращение к прецедентным текстам оказывается частым и регулярным в речи представителей русскоязычного казахстанского лингво-культурного сообщества (об этом свидетельствует анализ устной разговорной речи и текстов СМИ), что обуславливает внимание к ним при исследовании особенностей коммуникации на русском языке и специфики русскоязычного языкового сознания казахстанцев.

Проведенный в исследовании анализ позволяет выявить положение прецедентных феноменов (прецедентных текстов) среди других единиц дискурса, определить роль этих феноменов в моно- и межкультурной коммуникации, их место в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, создает возможности для решения таких практических задач, как создание словаря прецедентных текстов.

Использование автором-журналистом прецедентных текстов для актуализации заданных смыслов предполагает активное сотворчество читателя в процессе «декодирования» этих смыслов. Таким образом, становится важным

моделирование «образа читателя», создание «концепции адресата». Эта «процедура» необходима для интерактивного режима в цепочке *автор – текст – читатель*. При моделировании «образа читателя» можно опираться и на анализ способов хранения и активизации прецедентных текстов в языковом сознании казахстанцев.

Результаты изучения языкового сознания казахстанцев позволяют сделать некоторые частные выводы. Так, можно отметить, что в сознании казахстанцев прецедентные тексты представлены очень широко и составляют довольно «объемный пласт» текстовой концептосферы и лингвокультурного тезауруса в целом. Эти прецедентные тексты разнородны по составу (от классических до текстов субкультуры и поп-культуры); они хранятся в вербальной памяти носителя языка в различном виде (от слов до предложений и даже микротекстов) и при этом степень их «готовности включиться в дискурс» также неодинакова.

Прецедентные тексты в публицистическом дискурсе претерпевают некоторые трансформации, которые принимают форму языковых игр. Языковая игра обычно служит средством актуализации прецедентного текста, создания на его основе нового, более актуального для описываемой ситуации смысла (метасмысла). При этом особенностью функционирования ПТ в публицистическом дискурсе является то, что изменения в их составе служат для выражения дополнительного актуально смысла.

Прецедентные тексты могут рассматриваться как важная составляющая идиостиля творческой языковой личности журналиста, уровня владения техникой «цитатного письма», которая является яркой приметой современной постмодернистской культурной парадигмы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. – М., 1987. – с. 140.
- 2 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
- 3 Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
- 4 Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований: вступительная статья // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. – 448с.
- 5 Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. – Мн.: Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
- 6 Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности [Текст] / З.Я. Тураева. // ВЯ. – №3 – М.: «Наука», 1994. – С. 105-114.
- 7 Попова Е.А. К проблеме определения текста / Е.А. Попова // Исследования по русскому и общему языкознанию / Отв. ред. В.В. Щеулин. – Липецк, 2000. – С. 24-48.
- 8 Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.

- 9 Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
- 10 Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и новое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. – СПб., 2001.
- 11 Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Понятие логоэпистем // Россия и Запад: диалог культур. Вып.2. – М., 1999.
- 12 Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. – С.128.
- 13 Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
- 14 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Второе изд-е. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
- 15 Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1999. – С. 204-205.
- 16 Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 25-27.
- 17 Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. 1996.
- 18 Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – С.-Пб.: Образование, 1993. – С.4-12.
- 19 Куркина Л.Я. Герменевтика и «теория интерпретации» художественного текста // Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985.
- 20 Лотман Ю.М. Текст в тексте // Избранные статьи. В 3 т. – М., 1992. – 450с.
- 21 Holthuis S. Intertextualitaet. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. – Tuebingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 1993. – 270s.
- 22 Кристева Ю. Разрушение поэтики / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Под ред. Косикова Г.М. – М.: Прогресс, 2000. – 458 с.
- 23 Абрамов С.Р. Интертекстуальность как конституирующий признак и условие сосуществования семиотических систем. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. СПб.: Образование, 1993. - с. 12-20
- 24 Гончарова Е.А. К вопросу об изучении категории автор через проблемы интертекстуальности. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. С.-Пб.: Образование, 1993. – с. 20-28.
- 25 Hess-Luettich E.W.G. Text, Intertext, Hypertext – zur Theorie der Hypertextualitaet. // Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beitrage zur Intertextualitaet. – Tuebingen: Stauffenburg, Joseph Klein, Ulla Fix (hrsgs.), 1997. – S.128-139.
- 26 Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т.1. – 450 с.
- 27 Интертекстуальные связи в художественном тексте. – С.-Пб.: Образование, 1993. – 148 с.
- 28 Арнольд И.В., Иванова Г.М. Уистан Хью Оден. Мастерство. Поэтика. Поиск. – Новгород: Новгор. госуд. пед. институт, 1991. – 38с.

- 29 Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1990. – 560 s.
- 30 Sager S.F. Intertextualität und die Interaktivität von Hypertexten. // Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen: Stauffenburg, Joseph Klein, Ulla Fix (Hrsgs.), 1997. – S.109-127.
- 31 Гучинская Н.О. Шпильманский эпос и проблема текstopорождения. Интертекстуальные связи в художественном тексте. – С.-Пб.: Образование, 1993. – С.46-57.
- 32 Шишкина И.П. Творчество И.В. Гете и художественная структура произведений немецких писателей 19-20 веков. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – С.-Пб.: Образование, 1993. – С.28-38.
- 33 Мальченко А.А. «Чужое слово» в заглавии художественного текста. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – С.-Пб.: Образование, 1993. – С.76-82.
- 34 Wilpert G. von. Sachwoerterbuch der Literatur. – Stuttgart: Alfred Kroener Verlag, 1969. – P. 1050
- 35 Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 416с.
- 36 Машкова Л. Аллюзия в романе Гофмана «Эликсиры сатаны». // В мире Э.Т.А. Гофмана. – Калининград: Гофман-центр, 1994. – С.120-131.
- 37 Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 416с.
- 38 Фомичева Ж.Е. Иноstileвые скопления как вид интертекстуальности. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – С.-Пб.: Образование, 1993. – С.82-91.
- 39 Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001. – 270 с.
- 40 Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. – 349 с.
- 41 Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – 288с.
- 42 Гудков Д.Б., Клобукова Л.П., Михалкина И.В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения. // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 2001. – №6. – С. 244-256.
- 43 Хирш Э.Д. Словарь культурной грамотности. – Бостон, 1988.
- 44 Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
- 45 Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными. // Русский язык за рубежом, 1996, № 01. – С.73-76
- 46 Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
- 47 Богин Г. И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. д-ра филол. наук // И. Г. Богин; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 1982. - 36 с.

- 48 Караулов Ю.Н. Что же такое «языковая личность»? // Этническое самосознание. – М., 1995. – С.63-65.
- 49 Клобукова Л.П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы. АРДД. – М., 1995. – 50с.
- 50 Красных В.В. Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий». (Некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. Вып. 4. – М., 1997. – С.54-55.
- 51 Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание. // С любовью к языку. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 44-51.
- 52 Большой энциклопедический словарь. М: АСТ, 2004. – 1243 с.
- 53 Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций// Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. С. 230-293
- 54 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. 445 с.
- 55 Гюббенет И.В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте / И.В. Гюббенет // ВЯ. 1980. – №6. – С. 97-102.
- 56 Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы / Е.Г. Ростова // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 1. С. 7-26
- 57 Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 157-168.
- 58 Смулаковская Р.Л. Прецедентные феномены и успешность коммуникации (к вопросу о степени прецедентности) / Р.Л. Смулаковская, Я.В. Кузнецова // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: материалы международной науч.-метод. конф. – СПб., 2001. С. 15-25
- 59 Разумова, Л.В. Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Разумова. – Челябинск, 2002. 156 с.
- 60 Кушнерук С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2004. – Т. 13. 148 с.
- 61 Нахимова Е.А. Прецедентные имена в политической коммуникации / Е.А. Нахимова // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. Серия «Филология». – Екатеринбург, 2005. – № 60 (8). С. 41-45
- 62 Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
- 63 Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб., 2002. – 769 с.
- 64 Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – М.: Симпозиум, 2002. – 288 с.
- 65 Житенева Л.И. «Газетность» – примета стиля // Русская речь. – 1984. – № 2. – С. 85-89.

- 66 Солганик Г.Я. Свой текст чужой текст / Г.Я. Солганик // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / Ред. Н.Ю. Шведова и др. – М: Индрик, 2001. – С. 327-335.
- 67 Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. – 261 с.
- 68 Сметанина С.В. Медиа-текст в системе культуры. – СПб, 2002. 383 с.
- 69 Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. 168 с.
- 70 Даль В.И. Словарь русского языка. – 1978. – 567 с.
- 71 БСЭ. - 1972. с. 271
- 72 Блисковский З.Д. Муки заголовка. – 1981. С. 5-7
- 73 Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Уч. пособие. 2-е изд., доп., перераб. – Екатеринбург, 2003. С. 35-36
- 74 Подчасов, А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах Текст. / А.С. Подчасов // Русская речь. 2000. – №3. – С. 52-55.
- 75 Дроздовский В.П. Лингвистические средства активизации читательского внимания (на материале газетно-публицистического стиля) / В.П. Дроздовский // Русское языкознание. – Киев: Изд-во Одесского гос. ун-та, 1982. – Вып.4. – С. 64-71.
- 76 Лазарева Э.А. Газетный заголовок и текст: композиционные ресурсы выразительности / Э.А. Лазарева // Эффективность прессы: вопросы методики, теории и практики. – Свердловск: Изд-во УрГПУ, 1989. - С. 131-139.
- 77 Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // В.А.Звегинцев. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч.II. – М., 1965. С. 361-373
- 78 Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистическое исследование семантики и грамматики. – М., 1992. 168 с.
- 79 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: русский язык. 2005. 352 с.